

Саяна Гэбб

МОЛЧУНЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Саяна Гэбб

Молчуны

«Автор»

2024

Гэбб С.

Молчуны / С. Гэбб — «Автор», 2024

Мир пережил апокалипсис, лишившись всех источников энергии, включая солнечный свет. Планета почти полностью покрыта водой, прежних границ и государств не существует. Энергию теперь добывают загадочные невидимые Молчуны – существа, возникшие в результате генетических опытов над людьми. 36-летний Павел - разочаровавшийся в людях и ищущий уединение биоинженер, находит, казалось бы, подходящую работу ночного смотрителя на Фабрике молчунов. Но вся его размеренная жизнь внезапно рушится, когда он случайно выясняет, кто такие Молчуны. И теперь ему нужно принять решение: сохранить ли в своей жизни покой и равновесие или раскрыть человечеству страшную тайну, рискнув всем.

© Гэбб С., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	41
Глава 12	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Саяна Гэбб

Молчуны

Пролог

Маленький бар на углу улицы был единственным живым местом в раннее воскресное утро. В нем были двое: долговязый молодой бармен и пожилая дама в коричневой шляпе. Дама расположилась у окна с чашкой кофе, бармен сидел за барной стойкой, лениво постукивая ложечкой в стакане чая. Утреннюю тишину прерывало лишь мерное гудение электрических ламп и легкое позвякивание ложки, которое пожилая дама сопровождала неодобрительными взглядами в сторону бармена. Внезапно пол кафе задрожал. Где-то вдалеке раздался странный шум, словно тысячи босых ног шлепали по асфальту. Бармен удивленно закрутил головой, но тут с потолка в его стакан упал таракан, и бармен всецело сосредоточился на этом инциденте. Упавший таракан вызвал у молодого человека негодование – он пробормотал что-то вроде «все сдохло, кроме этих тварей» и брезгливо подвинул стакан к мойке. И снова где-то отдаленно задребезжало и пол кафе качнулся. В этот раз толчок был такой силы, что чай выплеснулся, а вместе с ним и таракан. Насекомое быстро сориентировалось и поползло прочь, оставляя за собой темный след.

Пожилая дама встревожилась. Она вытянула шею и завертела головой по сторонам, пытаясь рассмотреть улицу. Несколько мгновений ничего не происходило, но внезапно все вокруг наполнилось монотонным гудением. Зазвенели стекла, входная дверь с грохотом распахнулась, с полок посыпалась посуда. Бармен и пожилая дама синхронно бросились к окну. За окном творилось странное – черные быстрые тени метались вдоль улицы, пронизывая стены стоящего напротив здания. Прямо на глазах плотная кирпичная стена трансформировалась – по всей ее поверхности расплзались дыры, делая стену похожей на тряпку, изъеденную молью. Молодой человек первым почуял неладное. Он попятился в глубь кафе и нырнул за барную стойку, и это его спасло, потому что через секунду взорвалось окно. Сотни осколков взметнулись вверх и смертоносным градом осыпали все пространство вокруг. Звон падающего стекла смешался с коротким чавкающим звуком. Бармен осторожно выглянул и бросил быстрый взгляд в сторону окна и дамы. Дамы на прежнем месте не было – напоминанием о ней осталась лишь коричневая шляпа, валяющаяся на полу. Окна тоже не было, а фронтальная стена зияла рваными краями пролома. Бум! Перед глазами бармена метнулась тень... Бум! Ледяная волна воздуха окатила лицо... Бум! Рухнули остатки фасада... Бармен упал на пол и быстро-быстро пополз к черному выходу, судорожно вихляя задом. Раз-два, раз-два, раз-два, считал он про себя и уже потянулся к ручке двери... Бум! Вонзилась в него незримая тень, на мгновение превратив его тело в кровавый фейерверк.

Черные призраки заполнили пространство... Сквозные дыры расплзлись по стенам кафе... Жуткое гудение усилилось, и здание рухнуло.

Глава 1

Серость – слово, которым можно описать все вокруг: небо, землю, природу, дома и даже людей. Люди бледны и серы: солнечные лучи давно не касались их кожи. Мир застыл на стыке ночи и дня, между черным и белым, навсегда погрязнув в серых безрадостных красках.

Павел стоял на перроне, прячась под прозрачным защитным навесом. От нечего делать он смотрел на небо. Оно было затянуто плотными слоями облаков, наложенных друг на друга почти ровными чешуйками, и казалось похожим на тусклый серебристый бок рыбы. Но уж лучше так, чем солнце. Павел болезненно поморщился, вспоминая о редких солнечных днях, когда пробивающиеся сверху лучи нагревали и испаряли влагу. Находиться даже несколько минут в такой бане было невыносимо.

Гусеничкой подползла старая электричка, распахнув двери в свое чрево. Павел устроился возле окна, испытывая удовлетворение, что в вагоне почти нет людей. Он прижался лбом к прохладному стеклу, не пытаясь рассмотреть что-либо в сумеречной дали, и только когда поезд ворвался в Хикаю, он отодвинулся, чтобы ухватить взглядом пролетающую мимо картину. В городе сумрак терялся. Он растворялся в бурлящих неоновым цветом рекламных, в сияющих окнах магазинов и ресторанов, в огнях, бегущих вдоль аллей парков, в настойчивом мигании автомобильных фар. Искусственный свет от пронизывающих город электрических артерий ошеломлял и зачаровывал. Павел покачал головой. Чего-чего, а электричества теперь в избытке – спасибо молчунам. Люди привыкли к электрическому безумию и совсем позабыли о существовании темноты.

Электричка летела по свайному мосту, меняя направление так стремительно, что у Павла с непривычки кружилась голова. Парящие в воздухе мосты на тонких, но крепких сваях обвивали столицу густой сетью. Большая часть невысоких строений оставалась где-то внизу. А там, где высились десятиэтажные здания, траектория электрички лежала почти у самых стен, и иногда можно было уловить движения чужой жизни за окнами.

Он вышел на одной из центральных станций и с удовольствием осмотрелся. Стены и потолок станции сияли теплым янтарным светом, создавая иллюзию солнечного. Поговаривали, будто желтые ониксовые панели вывезли из какого-то известного театра Санкт-Петербурга перед затоплением. Жаль, что нельзя везде использовать такой же дизайнерский прием, подумал Павел. Это почти как солнце, только не сжигает.

Улицу, несмотря на раннее время, заливал электрический свет, холодный и мертвый, в отличие от теплого света станции. Первые этажи, закрытые рекламными экранами, сочились яркими цветами и бегущими надписями. У лифтов, поднимающих посетителей в рестораны, торчали механические зазывалы с меню и скалились в пространство пластиковыми улыбками. Людей почти не было, лишь по широкой трассе полз поток электрокаров.

С неба посыпались крупные тяжелые капли, и Павел привычным движением накиннул капюшон плаща. Он двигался вдоль улицы, старательно пряча лицо не столько от ливня, сколько от электрического света рекламных мониторов, поэтому видел совсем небольшой отрезок дороги перед собой. Резкий толчок от столкновения заставил его остановиться и снять капюшон. Мужчина с грязными всклокоченными волосами ухмылялся в лицо Павлу, распахивая рот и демонстрируя черные провалы вместо зубов:

– Денюююжку! Дай денюююжку! – голос его звучал напевно, почти нежно.

Павел от неожиданности шарахнулся в сторону. Попрошайка не тронулся с места, лишь потянулся распахнутой ладонью и снова принялся клянчить. Павел молча развернулся и двинулся дальше. Денег у него не было. Пройдя несколько шагов, он услышал сдавленный крик позади и обернулся. Двое мужчин в форме держали попрошайку за руки и тащили в сто-

рону. Попрошайка слабо сопротивлялся, но его доволокли до электрокара, скрутили и кинули внутрь. Лучше уж так, подумал Павел: за решеткой сухо и есть кусок хлеба.

Он уже почти дошел до конца улицы, как снова наткнулся на человека. Молодая девушка, почти девочка шла без накидки и зонта. Все ее худенькое детское личико, облепленное мокрыми прядями волос, излучало страх и отчаяние. Она держала перед собой небольшой предмет, и Павел понял, куда делся ее дождевик – прозрачная ткань накрывала коммуникатор с электронным изображением женщины. Он бегло бросил взгляд – с экрана смотрела женщина с короткой стрижкой.

– Мама! Вы не видели? Не встречали? Мою маму..., – в контрасте с голосом попрошайки голос девушки звучал низко и хрипло.

– Нет. Вы бы шли домой, а то заболете, – пробормотал Павел.

– Мама! Мама ничего не помнит! Я на минутку вышла! Вернулась, а ее нет! Маму! Маму не видели? – в отчаянии повторяла девушка.

– Идите в полицию, – Павел покачал головой, наблюдая, как она развернулась и бросилась в темнеющий проем между домами.

Через несколько минут он вышел на городскую площадь. В центре высилась хрустальная прозрачная колонна с плавающими внутри малахитовыми скульптурами мужчины в высокой тюркской шапке и женщины с длинными косами и узкими глазами. «Памятник основателям Хикаи» светилась надпись на панели перед колонной. Парящие внутри фигуры двигались, создавая иллюзию танца и притягивая взор, но Павел прошел мимо, не обратив на колонну внимания.

Бизнес-центр «Хикая» считался самым высотным зданием: в нем было пятнадцать этажей. Он, как все здания столицы, стоял на сваях, но, в отличие от других, его первый этаж не был наспигован рекламными мониторами. Фасады нулевого этажа украшали темные блгородные панели в цвет состаренного дерева. Двери сливались с панелями, и Павел некоторое время беспомощно стоял под дождем и ощупывал стены перед собой в поисках кнопки вызова. Новомодный лифт поднял его на последний этаж за несколько секунд плавным незаметным движением.

В приемной он с любопытством осмотрелся. Белые стены, серебристый металл в отделке мебели, кожаные диваны, искусственная сакура в стеклянном кубе у стены. За стойкой секретарша – красивая блондинка с правильными чертами лица, но Павлу почему-то запомнился только ее нос – ровный, с узкой переносицей и слегка вздернутым кончиком. Он отдал ей приглашительную визитку и уселся в неудобное широкое кресло. Блондинка проводила его долгим пристальным взглядом. Она оценила высокий рост, изящную аристократическую худощавость, упрямую челюсть и спокойный взгляд карих глаз из-под соломенных бровей. Ненаигранное равнодушие визитера задело ее, и она запустила все известные ей элементы обольщения. Но ее долгие вздохи, влажные взгляды и даже расстегнутая верхняя пуговица кофточки, обнажившая пышные полушария груди, не возымели действия, и она с раздражением указала Павлу на дверь, куда нужно было войти для собеседования.

Двери Павел не любил с детства. Для кого-то они – символ безопасности или новых возможностей. Для Павла каждая дверь таила за собой очередной жизненный подвох. Однажды дверь закрылась за отцом, и он навсегда исчез из жизни Павла. Потом перед ним распахнулись двери школы, в чей колючий социум он мучительно пытался встроиться долгие десять лет. В последний год перед окончанием школы очередная дверь навсегда скрыла за собой маму: в тот день ее насмерть сбил электрокар. Потом были двери в университет, где он учился и работал; в банки, обкрадывающие клиентов кредитами; в магазины, продающие некачественную одежду и просроченные продукты. Павел и сам не понимал, почему связывал все скверное с дверьми, но ассоциация была устойчивой и анализу не поддавалась. Единственная дверь, которая не была ему ненавистна, была дверь его дома, но тоже с условием: он любил входить в

нее и не любил выходить. И теперь новая закрытая дверь, за которой неизвестность клубилась пока еще неоформленной материей.

– Да войдите уже, – пробурчал глухо голос, и Павел дернул за ручку, распахивая перед собой переход в новую реальность.

Человек, сидящий за столом, напоминал ящерицу. Маленькая голова с вытянутым вперед лицом замерла при появлении Павла, черные глаза, не мигая, застыли, крючковатые ручки с длинными тонкими пальцами сжались, подцепив и смяв документы. Павлу показалось, что сейчас бледные губы разомкнутся и между ними появится длинный раздвоенный язык, ищущий добычу. Но человек-ящерица слегка улыбнулся и кивнул на стул перед собой.

– Павел Александрович? Присаживайтесь.

Павел молча устроился на стуле.

– Так, живете... Вы живете не в городе?

– В пригороде. На ферме родителей. Бывшей..., – добавил он и заметил, как у человека-ящерицы промелькнуло брезгливое выражение на лице.

– Так-так... Допустим. Ваш послужной список весьма..., – человек-ящерица почавкал губами, будто пробуя что-то на вкус, – весьма разнообразный. Окончили университет – факультет естественных наук, преподавали на университетской кафедре пять лет. Потом вас уволили, – он многозначительно замолчал. – Уволили же? – уточнил он с еле заметной усмешкой.

– Уволили, – согласился Павел.

– Так... После работали учителем в школе в старших классах. Продержались четыре года. Но вас опять уволили. Мда, и причины все те же: низкие коммуникационные навыки, неспособность работать в коллективе. Что ж, Павел Александрович, вы так плохо с людьми ладите? Не любите людей?

– Не люблю дураков, – Павел твердо выдержал немигающий взгляд.

– Между прочим, гордыня – один из смертных грехов, – усмехнулся человек-ящерица. Павел пожал плечами.

– Дальше работали не по специальности – санитаром в больнице. Гм, интересно. В этот раз иначе. Заведующий решил вас уволить, а коллектив врачей написал требование вас оставить.

– В этот раз дурак был один, – вежливо ответил Павел.

– Но вы все равно были уволены.

– Сам ушел.

– Понятно. Вам сколько лет? Тридцать пять?

– Тридцать шесть.

– Вот видите! Пора бы уже остепениться, – немигающие глаза ничего не выражали.

Павел промолчал.

– Что ж, давайте посмотрим ваши документы... Так. Заключение психолога службы найма: замкнут, необщителен, с низкими навыками коммуникации, высокий уровень интеллекта, аналитический склад ума, быстрая обучаемость, высокая трудоспособность, соблюдение нравственных принципов. Рекомендована работа вне социума. Поэтому мы и пригласили вас, – человек-ящерица отложил документ в сторону и уставился на Павла. Глаза все также не мигали, и Павел задумался, не мелькнет ли сейчас третье прозрачное веко.

– Я представляю службу найма компании «Рутина». Вам предлагается место смотрителя на фабрике молчунов.

Павел вздрогнул. Предложение было неожиданным.

– Но... Это ведь не просто... Мне казалось, что с молчунами работают какие-то специально обученные люди, – пробормотал он.

– Вот мы вас специально и обучим, – удовлетворенно кивнул человечек и, наконец-то, моргнул. – Ну так что? Готовы? Хочу предупредить, что работа предполагает проживание на

территории фабрики. Жилье, питание и униформа входят в пакет. Помимо вас на территории будет еще один человек – дневной смотритель. Ваша позиция – ночной смотритель. Пересекаться будете нечасто.

Павел растерянно молчал. Все знали о молчунах, изучали в школе историю их появления, возносили им хвалу за спасение человечества, но Павел ни разу не встречал кого-то, кто бы видел молчуна. Молчуны были загадочной и неосязаемой субстанцией. К их незримому присутствию привыкли, как к наличию кислорода в атмосфере – он есть, им дышат, но не думают об этом.

– Ну так что? – человек-ящерка нетерпеливо дернул головой и замер.

– Я согласен, – Павел кивнул. Других предложений у него не было уже давно. А это предполагало не только деньги, но уединенную жизнь. Еще ему было любопытно, а он давно уже не испытывал любопытства.

– Прекрасно. Завтра утром вас будет ожидать электрокар у этого здания, – человек-ящерка потерял интерес к Павлу и принялся перебирать документы цепкими сухими пальцами.

Глава 2

О молчунах Павлу было известно еще из школьных учебников. Их появлению предшествовала глобальная экологическая катастрофа, возникшая в результате развития промышленности и применения горючих источников энергии. Большое количество производственных предприятий привело к накопительному эффекту «парниковой завесы», который вызвал массовое таяние ледников и повышение уровня мирового океана. Основная часть территорий материков скрылась под водой. Все прогнозы были чересчур оптимистичными: реальность оказалась страшнее, чем предполагали ученые. От Евразии остались часть Западно-Сибирского плато, Кавказские горы, горная система Гималаев, центральные части Китая и Индии. Полностью исчезли под водой Канада, западные и восточные части Штатов, большая часть Мексики. Южная Америка сохранила вершины горных массивов, в которых ютились остатки населения. Австралия превратилась в россыпь отдельных островов, непригодных для жизни. Только Африка сохранила большую часть суши, хотя покрылась непроходимыми болотами.

Радикально изменившиеся климатические условия усложнили существование человечества на остатках земной поверхности. Средняя температура поначалу выросла, и поднимающиеся испарения затянули планету плотным облачным коконом, затем температура стала снижаться, и на Земле установилась «вечная осень» – почти все время шли дожди. Солнце периодически пробивалось лучами сквозь небесный панцирь, но это только усугубляло проблему: атмосфера нагревалась, испарения резко усиливались, воздух раскалялся. Было ясно одно – любая дальнейшая промышленная деятельность приведет к полному уничтожению экосферы планеты. Использование горючих источников энергии было запрещено: выделяемое при этом тепло усиливало парниковый эффект. Но и без энергии выжить было бы невозможно: планета постепенно остывала, и холод уничтожал все живое. Солнечной энергии больше не было, ветрогенераторы не компенсировали даже минимальную потребность. Человечество встало перед проблемой выживания и бросило все силы на поиски возможных источников энергии, которая бы не нарушала хрупкое равновесие земной атмосферы. И задача оказалась нерешаемой...

И вот тогда предкам пришла в голову ужасающая, но спасительная идея создания нового вида сверхчеловека: выносливого, не нуждающегося в сне, способного выжить при больших нагрузках, непосильных обычному представителю *Homo sapiens*. К сожалению, эксперимент закончился плачевно. Изменения на генетическом уровне привели к желаемому результату, но в качестве побочного эффекта возникло непредвиденное – человек превратился в рабочее орудие со сверхспособностями, но потерял эмоциональный интеллект, утратив навыки общения и восприятие действительности. Если откинуть научные термины, то в результате эксперимента возник человекоподобный робот – не нуждающееся во сне существо с силой десятых.

Бесчеловечный эксперимент не получил продолжения, но появившийся новый вид людей оказался как нельзя кстати: их стали использовать для производства электроэнергии. Выносливость и неутомимость нового вида позволили полностью отказаться от использования нефти, газа и угля. Этот вид людей умел только одно – долго и эффективно совершать определенные действия. Гневная и справедливая критика недостойного поведения предков звучала и по сей день – в научных кругах муссировались темы возможной обратной трансформации генетически измененных особей, но пока научное возмущение не воплотилось в действие, решено было воспользоваться полученным результатом для собственного выживания. Тем более, что молчуны (так их называли в свое время журналисты) жили и размножались, и природа их хоть и была обособленной от человеческой, но все же не относилась к животному миру.

И вот уже порядка ста лет существовали фабрики молчунов, где день и ночь они крутили педали, производя электричество и поддерживая жизнь человечества на планете. И слава им! И мы все благодарны им за их жертву! Лучшие условия, уход и заботу создает для них наше государство! Россия – единственная страна, производящая электричество в достаточных количествах! И жизнь большинства выживших на планете продолжается, благодаря ее немыслимому героизму и решительности!

Павел закрыл страницу информационного сайта и поморщился. Никакой новой объективной информации он не узнал, а вся эта романтическая чушь о бережном отношении к молчунам и всеобщей признательности уже давно набили оскомину. Истина одна – где-то существуют особые люди, за счет которых выживают остальные, и этим особым людям все равно, что о них думают, как к ним относятся и какие хвалебные оды поют. Они этого не понимают. Несправедливость в отношении них давно уже потеряла свое значение, и нет смысла прятать вину за благочестивыми лозунгами. Содеянного не исправить, остается только жить дальше с осознанием совершенной предками ошибки. Лучше уж тогда не устраивать электрические круглосуточные карнавалы, возможно, это уменьшит нагрузку на молчунов. Он откинулся на мягкую кожаную спинку сидения электрокара.

Человек-ящерка не обманул – утром Павла ожидали у офисного здания, и вот уже он несется по мокрой дорожной ленте прочь от переливающегося огнями города. Пейзаж за окном был предсказуемо скучен – серое марево густым киселем свисало с неба почти до земли, и было непонятно дождь ли это или густой туман, наполненный влагой. Павел прикрыл глаза и попытался представить молчуна. Сознание услужливо нарисовало тусклое безжизненное лицо, мощную шею, руки с бугрящимися мышцами и пальцы... Такие длинные и цепкие... И рот. Нет, рта нет! Вместо него кровавый разрез, сшитый черными толстыми нитками крест на крест. И разрез ширится, разверзается в стороны, разрывая кожу... Куски плоти болтаются, оголяя острые зубы, и внезапно из кровавой дыры доносится крик:

– Эй, ты! Вставай! Как там тебя? Проснись уже!

Ужас вырывает Павла из сна, он подскакивает, задышавшись и всхлипывая. Электрокар не двигается, а в запотевшее стекло настойчиво стучит чей-то палец.

– Слышь? Приехали, говорю! Выходи!

Павел втянул пересохшим ртом воздух и закашлялся. Он открыл дверь, и густая влага ворвалась внутрь. Стучавший в окно человек отошел, и Павел видел только размазанный туманом силуэт в черном глухом плаще. Внезапно капюшон плаща распахнулся и забелело лицо.

– Пошли, что ли? Стоим тут в сырости, так и заболеть недолго!

Павел подхватил сумку и покорно побрел за плащом. Они прошли метров тридцать и уперлись в высокие металлические ворота, от которых единой линией разбегались такие же высокие стены. Выпуклые затертые буквы делили ворота на две части. Павел смог прочитать только первую часть «Lasciate ogni spe...», остальные буквы были неразличимы. Он недоуменно поднял брови: все упоминания о других языках были утеряны. Но его внимание снова переключилось на крепкие стены и сталь ворот.

Вот фабрика и спрятанные там молчуны. От кого их прячут? От людей? Или людей от них? Внутри неприятно заворочался страх. Павел с опозданием осознал, что согласился на то, о чем понятия не имеет. Он встревоженно оглянулся в поисках электрокара, но сквозь молочную дымку не было видно даже силуэта машины. Впереди идущий плащ внезапно исчез, и Павел растерянно остался стоять в одиночестве перед глухими створками ворот.

– Сюда, парень! Чего встал, как вкопанный! – откуда-то из стены раздался сердитый голос. И тут же мелькнула рука, ухватившая Павла за рукав, и потащила его в неприметный проем так быстро, что Павел не успел испытать привычную неприязнь к очередной двери. Он втиснулся, спотыкаясь и задевая локтями жесткие металлические ребра, и провалился в сухое тепло.

– Все, приехали! Можно снять плащ! Ну здравствуй, напарничек, что ли!

Павел скинул капюшон и обомлел: было сухо. Сверху все также нависало угрюмое ртутное небо, но дождя не было. И даже земля вокруг была сухой. Он изумленно потоптался на месте, проверяя упругость почвы, но почва не пружинила как обычно, а была плотной, словно камень.

– Что? Нежданчик? А у нас так! Это тебе не два пальца... Это, брат, молчуны! Для них все условия. Считай, в рай попал! Повезло, значит, – раскатисто хохотнул человек напротив. Павел поднял глаза. Мужчина снял плащ, оставшись в черном грязном комбинезоне с серебристой буквой Р на левой стороне груди. Высокий, лет шестидесяти, с темными сальными волосами, спадающими на лоб. Длинное лицо будто вырезано ножом, оставившим глубокие прорезы вокруг крупного носа и рта, широкие скулы плотно обтянуты бледной кожей, скошенный подбородок с густой щетиной. Внешняя неряшливость никак не сочеталась с внимательными прищуренными глазами, и Павлу не понравился такой контраст.

– Алексей Петрович я, дневной смотритель, – сообщил мужчина. – Вместе, значит, работать будем. Можешь просто Петровичем звать – я привыкший. А тебя как величать?

– Павел.

– А, ну Пашка, значит. Это хорошо. У меня приятель был Пашка. Давно уже сгинул. Хороший человек был. Ну так пошли что ли, покажу тут все тебе, – мужчина приглашающе махнул рукой.

Павел молча последовал за ним, бросая взгляды по сторонам. От ворот тянулась вереница приземистых домов вдоль широкой бетонной дороги. Здания были однотипны: с серыми покатыми крышами, узкими окнами с решетками, крепкими металлическими дверьми. За ними полукругом изгибалась серая крыша высокого ангара.

– Тут жилое. Раньше много народу работало: врач, повара, уборщики. Теперь все автоматизировано, – он запнулся на длинном слове, – двоих хватает. Ну, или жена может еще с мужем... У тебя же нет жены?

– Нет, – качнул головой Павел.

– Ага, я тоже бобылем. Племяш вот только со мной живет – Андрейка. Хороший парень, но горячий. Ничего, научим. Работа, опять же, хорошая останется ему, – Петрович оживленно размахивал руками во время разговора. Было видно, что он соскучился и рад поговорить.

– А куда прежний смотритель делся? – перебил его Павел.

– Так помер он. Старый был, Семен-то. Меня старше лет на десять. Сердце прихватило и помер. Пока врач приехал, он уже все. Старый...

Павел заметил, что жилые дома закончились.

– Вот тут в крайнем мы с Андрейкой живем. А ты напротив можешь. Там Семен жил. А можешь другой выбрать. Только который с краю не трогай – там медицинский центр. Лекарства всякие, да еще разная ерунда. А дальше склады. В них биоконцентрат для молчунов, а в том, напротив, столовая.

Павел с удивлением рассматривал крепкие кирпичные домики, аккуратные палисадники перед ними, свежерыкрашенные скамейки. Все выглядело мирным и уютным, словно хозяева покинули дома совсем недавно. Кое-где за стеклами окон виднелись цветастые занавески, и от этого еще больше казалось, что домики жилые, что сейчас выкатится из-за угла мяч, а за ним выскочит ватага пацанов с криком и хохотом. Даже дорожки перед дверьми были начисто выметены.

– Это Андрейка все, – пренебрежительно буркнул Петрович, – делать ему нечего. Все порядок наводит. Чтоб, дескать, как будто тут люди живут.

– Над головой купол? – Павел ткнул пальцем вверх.

– Ну вроде того. Силовое поле. Закрывает от дождя, тумана, да и вообще... От всего, – Петрович неопределенно хмыкнул.

Павла неприятно поразили его слова. Вся эта таинственная неопределенность вызывала в нем сознательное сопротивление: ему всегда требовалась ясность. Тут он почему-то сдался, погасил нарастающее возмущение и не стал задавать вопросы. Но внутренняя тревога никуда не делась, она так и осталась беспокоить его засевшей занозой.

Бетонная дорога свернула вправо, и Павел охнул, увидев высокий серебристый ангар. Его купол в высоту был метров пятнадцать, ширину и длину Павел оценить не смог. Ребристые стены делились на секции, в каждой был отдельный вход. Ангар издавал тихое монотонное гудение и еще какое-то шуршание, будто тысячи птиц взлетали одновременно.

– А вот и фабрика, – удовлетворенно крикнул Петрович, – тут вся наша с тобой работа.

Павел в ошеломлении рассматривал фабрику. Вот оно – место, где сосредоточено спасение человечества. Таинственное и загадочное, скрывающее неизвестных существ, производящих энергию. Почему-то образ мускулистого молчуна из сна исчез, и Павел представил, что внутри тысячи легких тел парят в воздухе, шурша стрекозиными крыльями, от которых во все стороны летят легкие светящиеся фотоны. Резкий тычок в плечо отрезвил его.

– Спишь что ли? – сердито поинтересовался Петрович. – Ты смотри мне! Нам спать в неположенное время нельзя!

Внезапно центральная дверь ангара распахнулась и из полутьмы выскочил кудрявый черноволосый парень в таком же черном комбинезоне, что и у Петровича.

– Дядь Леш, все, перезагрузил! Пока можно перекурить! – радостно сообщил он и смутился, увидев незнакомого человека.

– Вот, Андрейка – племянш. Мать его – сестра моя. Померла несколько лет назад. Хорошая женщина, только умничать больно любила. Ученая была... Да что там говорить. Эх! – горестно махнул рукой Петрович, словно сожалея не о смерти сестры, а о ее неподобающем на его взгляд интеллекте.

Павел внимательно рассматривал парня. Молодой, лет двадцати, хотя уже отличающийся не юношеской кряжистостью, предполагающую с возрастом массивность и тяжеловесность фигуры, с круглым курносом лицом и серьезным взглядом карих глаз.

– Здравствуйте! – застенчиво проговорил парень. – Добро пожаловать!

– Павел, – он протянул ему руку. Андрей ему понравился, и неприятное саднящее ощущение в груди немного отпустило. Несмотря на крепкую сбитую фигуру, парень выглядел совсем юным, лицо его было безмятежным и спокойным, и это придало Павлу уверенности, что ничего страшного в этом месте быть не может.

– Внутри идти надо, – сердито сообщил Петрович, – скоро перезагрузка опять, а мы тут ляды точим! Давай-ка, Андрейка, все новому смотрителю покажем и расскажем, а ты потом его в дом поселишь.

Андрей кивнул и с готовностью шагнул к двери, но остановился, заметив, что новый смотритель не торопится. Павел подошел к двери ангара и прислушался к звукам и собственным ощущениям. Петрович и Андрей с удивлением наблюдали за ним.

А Павел с горечью рассматривал новую дверь. Желание войти в нее, чтобы удовлетворить редкое в последнее время любопытство, боролось в нем с мыслью, что новое знание в очередной раз может изломать ту ровную жизненную линию, над которой он так долго бился. Что-то удерживало и не пускало его, требовало сделать шаг назад, развернуться, уйти. Но тут его взгляд остановился на Андрее, и Павел увидел в его глазах надежду, любопытство, что-то очень важное и значимое для себя, что не должно никак пропасть и потеряться. Что-то в этом наивном, все еще детском лице заставило сердце Павла сжаться, помчаться на минуту быстрее, а потом успокоиться и забиться ровно и сильно.

– Да. Давайте. Я готов, – сказал он и взялся за ручку двери.

Глава 3

Ляля устало смотрела в окно. Ее отражающийся силуэт плавился белыми разводами на фоне стекающих дождевых капель. Где-то далеко чернела ночь, но госпиталь и вся территория были залиты электрическим светом. От этого света убегающая к городу сияющая автострада блекла, но даже так было заметно, что она напоминает ковш.

Большая Медведица, думала Ляля, я видела ее в последний раз еще в детстве. Теперь ночами небо не расчищается, а так бы хотелось снова увидеть звезды.

Она оторвалась от окна и вернулась к столу. Сев в продавленное кресло, она тяжело вздохнула и принялась стучать по клавиатуре. Через час веки ее тяжело закрылись, голова дернулась вниз, и Ляля вскинулась, сердито отодвинув компьютер. Подойдя к раковине, она взглянула на себя в зеркало. Электрический свет безжалостно высветил круги под глазами и потерялся под скулами, оставляя темные провалы щек. Ляля плеснула ледяной воды в лицо, растирая виски и лоб.

– Ляля Витальевна, вас просят! – в дверь кабинета заглянула медсестра Зоя. – Приехали какие-то. Говорят, из полиции. Привезли пациентку.

Ляля одернула белый халат и пригладила влажные на висках волосы. В приемном покое ее ждали двое мужчин в форме. Мужчина постарше: высокий, седой, с пронизательными глазами под размашистыми бровями стоял впереди. Такой же высокий, но более крупный напарник за его спиной так низко натянул фуражку, что рассмотреть лицо было невозможно. Ляля взглядом ухватила только глубокую ямку на подбородке с родинкой под нижней губой.

– Добрый вечер! Особый отдел полиции, – седой показал Ляле документ. – Привезли вам пациентку. Вы должны ее осмотреть.

– Добрый, – Ляля рассеянно вглядывалась в кусок пластика с буквами и размышляла. Насколько может быть важным привезенный пациент, раз его доставил Особый отдел полиции, о котором она, кстати, раньше не слышала? Или насколько опасным?

– Где пациентка?

Седой внимательно посмотрел Ляле в глаза. Ей показалось, что взгляд проник сквозь зрачок, просочился по зрительным нервам прямо в центр мозга и кольнул там острым жалом.

– Пациентку уже забрал ваш коллега. Разговаривать с ней не надо. Ваш главный в курсе ситуации, поэтому просто осмотрите ее и примите необходимые меры.

Ляля мгновенно вскипела. Она вообще быстро заводилась и знала за собой этот грешок. Хотя это никогда не касалось пациентов, с ними она всегда была терпелива. Но седой полицейский с колющим взглядом не был пациентом.

– Будьте любезны не указывать мне мои обязанности. Я прекрасно их знаю, – ледяным тоном начала она, но седой ее мгновенно перебил.

– Так идите и займитесь своими обязанностями. Вы теряете время, – в тоне седого не было издевки или раздражения, голос его звучал равнодушно и официально. Но почему-то именно это напугало Лялю до чертиков, заставив поперхнуться словами. Взгляд седого еще раз мазнул по ней, и он отвернулся к напарнику.

Черт бы вас всех побрал, негодовала Ляля, отправляясь в смотровую. Черт бы побрал всех полицейских на свете! Она злилась на себя за этот внезапный необоснованный страх, заставивший почувствовать себя слабой.

В смотровой было странно. На кресле лежало тело с укрытой верхней частью, включая лицо. На «рукаве» кресла белела разогнутая рука с вколотой в локтевую ямку иглой капельницы, ноги крыльями раскинулись по подколеникам и были аккуратно затянуты ремнями. Взгляд Ляли сразу ухватил свежие синяки на коже бедер и лоток между ними, в который струилась кровь из темноты женского чрева. Медсестра Зоя испуганно жалась к стерильному столу

с инструментами, рядом с пациенткой стоял невозмутимый анестезиолог. Ляля знала, что он работает в госпитале недавно, и до этого момента они не разу не сталкивались.

– Что за дерьмо тут творится? – Ляля так разозлилась, что не сдержалась и выругалась.

– Лялечка Витальевна, я пришла, а тут уже вот... Лежит... Сказали, вы придете и посмотрите, – виновато отозвалась Зоя.

– Как вас там, коллега? – процедила Ляля сквозь зубы. – Какого черта вы творите без согласования со старшим дежурным врачом? Почему пациентка уже под седацией? Вы что ли тут диагнозы ставить будете? Что вообще происходит сегодня?

– Ляля Витальевна, это распоряжение главного врача, – голос анестезиолога подрагивал. – Пациентку привезли с кровотечением, она вела себя неадекватно. Вероятно, она может быть опасной. Я сделал все по стандартам. Осмотреть ее без седации было бы невозможно. Еще полиция потребовала скрыть ее лицо. Я их требования выполнил, – уже как-то неуверенно закончил он.

Ляля поперхнулась от возмущения и приготовилась к ответной тираде. Но тут взгляд ее упал на сочащуюся кровью промежность, и она бросилась к пациентке.

Утром она первым делом заглянула к ночной пациентке в палату, но той уже не было. Зоя виноватым тоном сообщила, что через два часа после манипуляции девушку забрала полиция. Ляля мгновенно налилась гневом и бросилась в кабинет главного.

– Марк Эдитович, что за беззаконие творится у нас в госпитале? Вы в курсе, что ночную пациентку увезли чуть ли не с операционного стола? Я уж не знаю, что там вам полиция наговорила, но она явно не преступница, а жертва! Причем жертва изнасилования! Множественные ссадины слизистой, глубокий разрыв влагалища, гематомы промежности! И очень похоже, что она на малых сроках беременности! Это уже ни в какие ворота...

– Ляля Витальевна, сядьте! – крикнул главный врач.

И Ляля села. Главный врач никогда не кричал. Марк Эдитович всегда разговаривал тихо и внушительно: к этому его приучила потомственная медицинская среда и дед-профессор. Но сегодня он был сам не свой. Только сейчас Ляля заметила серый цвет лица, трясущиеся дряблые щеки, затравленный взгляд и поняла, что он напуган.

– Марк Эдитович, что за чертовщина творится у нас, а? – спросила она жалобно.

Главный врач помотал головой, снял очки и протер их дрожащими руками. Несколько раз он пытался заговорить, но горло перехватывало, и он выдавал невнятный хрип. Ляля налила в стакан воды и пододвинула к нему. Было слышно, как стучат зубы о стекло, когда главный врач жадными глотками осушал стакан.

– Значит так, Ляля. Я тебя знаю. У тебя шило в одном месте, и раньше мне это нравилось. Но теперь шило вытати и спрячь до лучших времен. Не было ничего. Никакой пациентки ночью не было. Анестезиологу и медсестре вашей уже все объяснили, они молчать будут. Тебе я лично говорю – забудь, слышишь? Иначе худо будет и тебе, и мне, и остальным. Поняла?

Ляля ошеломленно таращилась на главврача. Во-первых, он никогда не позволял себе обращаться к сотрудникам на «ты». Во-вторых, никогда не был безапелляционен, во всяком случае с ней. В-третьих, никогда сам не нарушал закон и не принуждал к этому других. И уж точно не требовал делать вид, что пациент, над которым были совершены насильственные действия, не существовал. Происходило что-то немыслимое, и Лялю распирало от справедливого гнева и желания выяснить причины происходящего.

– Но Марк Эдитович! – начала она.

– Нет! Никаких вопросов и дискуссий! Ляля, хоть раз поверь мне на слово, а? – умоляюще прошептал он. И Ляля снова обомлела: Марк Эдитович никогда не умолял. Она сделала вывод – или главврач болен, или ситуация действительно из ряда вон выходящая. В любом случае, надо сначала во всем разобраться.

– Ладно, – примирительно кивнула она, – пока оставим. Вы сейчас не в состоянии.

Ляля вышла из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь. Марк Эдитович сразу сдулся, будто проколотый воздушный шарик, осел в кресле и схватился рукой за грудь. И когда зазвонил телефон, он вздрогнул и лицо его перекосило от страха.

– Да? – слабо отозвался он в микрофон. Трубка недовольно забулькала.

– Поговорил. Она будет молчать. Да, будет.

Трубка снова забулькала, на этот раз тревожно и настойчиво. Глаза главного врача бешено закрутились в глазницах, рука потянула узел галстука от горла, щеки побагровели.

– А почему моя семья? Причем тут она? – слабо отозвался он. Трубка ответила коротко и жестко.

– Делайте, как считаете нужным. Но она ведущий врач! Нет, никого нет. Да, одинокая, – голос мужчины звучал все слабее. Внезапно из глаз потекли слезы. Трубка коротко рывкнула и замолчала. Марк Эдитович отшвырнул ее от себя, закрыл лицо руками и разрыдался.

Глава 4

Служебный электрокар плавно скользил по блестящей в свете огней мокрой дороге. Напугавший Лялю седой сидел на месте пассажира, второй, с ямочкой и родинкой, управлял машиной. Радио что-то тихо напевало, навевая дремоту на седого, и он постоянно клевал носом, упираясь подбородком в грудь. Его напарник молча таращился на дорогу. Губы его постоянно шевелились, будто он разговаривал сам с собой. На повороте машину слегка встряхнуло, и задремавший седой с силой приложился виском к стеклу. Он тут же встрепенулся, выровнялся и разразился шумной бранью.

– Бля, Костик, ты чего вообще баранкой крутишь? Ну, поставил бы пилот и отдыхал, пока едем. Что за манера, твою мать, самому рулить ночами? Надо начальству сказать, чтобы перестали закупать управляемые машины – пусть у нас, как у людей, обычные электрокары будут! Взял я тебя на обучение на свою голову!

– Петр Степаныч, ну люблю я рулить. Мне спокойнее так, – принялся оправдываться Костик. – Простите, что дернуло. Что-то там мелькнуло, может животина какая дорогу перебежала.

– А чего тебе нервничать? – седой внимательно посмотрел на напарника. Тот заерзал под взглядом.

– Да ну их. Мажоры долбанные. Нанимались мы что ли? Они беспредельничают, а мы за ними убирай, – в голосе Костика звучало раздражение.

Седой отвернулся и уперся взглядом в дорогу. Костик, не получив поддержки, обиженно поджал губы.

– И девчонка эта... Совсем охренели уроды мелкие... Кинули нам ее, как кусок мяса. Ладно, хоть не закопать предложили!

– А если и закопать? – вдруг жестко спросил седой. – А, Костик? Что тогда? Что бы ты стал делать? Отказался? Жаловаться бы побежал? Ты хоть понимаешь, кто эти уроды? Чьи они дети? Молчишь? Правильно, молчи! Тебя, балбеса, пристроили на хорошее место, квартиру служебную дали, денег платят регулярно. А кто все это тебе дал? Опять молчишь?

– Петр Степаныч, да знаю я все, – снова принялся оправдываться напарник, – но как-то не по-людски это. Понимаете? Нельзя так! Она же девчонка совсем! А может ихние родители и не знают, чего дети творят! А мы покрываем! У того прыщавого отец-то – наш губернатор – нормальный же мужик! Всегда все по делу говорит! Город на нем держится. Может, наоборот, надо один раз все это дерьмо наружу вытащить, и он тогда сынку по башке настучит!

Седой раскатисто рассмеялся. От смеха у него даже выступили слезы, и он долго тер кулаками глаза, все еще периодически всхлипывая. Костик насупился и замолчал, пережидая приступ веселья старшего.

– Ну ты, брат, повеселил. Дерьмо он собрался наружу вытаскивать. Да тебя в этом дерьме и утопят! Ты думаешь, папаша не в курсе развлечений своего сыночка? Это ты зря. Мы, конечно, не знаем, чего там губернатор себе думает, может и осуждает. Но сыночка он в обиду не даст, это уж стопудово. А вот тебя, если много думать будешь, быстро пинком под зад из отдела выпрут. На твое место еще десять человек рвутся, и уж им ничего объяснять не придется. Заруби себе на носу – ты человек служивый и работаешь по приказам. Сказали делать – делаешь, а думать тут не надо. Вот что хорошо всегда на Руси было – можно мозг не ломать: всегда найдутся те, кто все придумает. И никакой катаклизм эту систему не изменит. В отделе нашем думает начальник, за него думает шеф полиции, за шефа – губернатор, за губернатора – президент. Видишь, как все складно? И тебя в этой системе нет.

Костик съежился и склонился над рулем. Но весь его профиль с сердито нахмуренными бровями и задранным упрямым подбородком говорил о несогласии с таким выводом. Он оже-

сточенно сжал руль, и пальцы его побелели от усилий. Оставшееся время они ехали молча, и в машине висело тяжелое осязаемое напряжение. Наконец, они приехали, и электрокар остановился у высоких ворот с темной будкой охранника. Свет сканера мелькнул в лобовом стекле, и ворота медленно разъехались. Костик завел машину внутрь, разглядывая высокое мрачное здание. Света почти нигде не было, лишь на первом уровне рядом с входом тусклым желтым огнем горели два окна.

– Где это мы? – Костик заворуженно рассматривал темное строение без привычных электрических огней.

– Где надо, – буркнул седой. – Много не болтай, я тебя предупредил.

Костик вышел из машины и осмотрелся. Нет, света нигде не было. Ни окон, ни подсветки здания, ни светящихся дорожек. После утопающего в огнях города неосвещенная территория с темным зданием выглядела по-кладбищенски жутко, и Костик перекрестился привычным размашистым жестом.

Из дверей показался человек в форме, но форма была не полицейская, понял Костик, а какая – непонятно. Костик работал в полиции второй месяц, и впервые оказался на дежурстве со старшим напарником. Петра Степановича он знал с детства, тот приятельствовал с его отцом. Отец умер несколько лет назад, и когда Костика надо было пристроить куда-нибудь на работу, мать попросила у Петра Степановича помощи. Место в полиции считалось престижным: хорошо платили, отпуск был месяц, квартиру давали, да и образование специальное не требовалось – нужно было только школу закончить и физподготовку сдать. А с физподготовкой у крепкого Костика было лучше всего. Он в школе мог любого завалить, и считал это огромным преимуществом в жизни. Вот и сейчас Костик разглядывал человека в форме и удивлялся, что на службу, видимо, охранную, берут таких тщедушных. Петр Степанович и человек что-то тихо и быстро обсудили, потом напарник вернулся.

– Давай, девчонку вытаскивай. Нам здесь ее оставить надо, – седой отправился к задним дверям электрокара. Машина была специально оборудована – при необходимости задняя часть превращалась и в мобильную тюрьму, и в место, где можно было перевозить лежащих. Для этого в стенах крепились раскладные лежаки.

Девушка лежала на одном из лежаков в той же позе, в какой они ее уложили, только худая белая рука упала вниз и свисала из-под простыни. И что-то в этой руке было такое жалкое и щемящее, что Костику стало стыдно. Он вспомнил Лизу – девчонку из соседнего подъезда. Она помогала ему делать уроки и никогда не называла тупым, как другие. А он учил ее играть в баскетбол и радовался, когда она попадала в кольцо и хохотала, оголяя розовые десны. Потом Лиза заболела. Родители говорили, что у нее туберкулез и запрещали видеться с ней. Однажды он пролез к ней в окно на второй этаж. Лиза лежала под толстым одеялом. Лицо ее – прозрачное с огромными запавшими глазами было недвижно и безучастно, и даже появившийся в окне приятель не вызвал у нее эмоций. Костик тогда страшно испугался. Ему навсегда запомнились этот замерший взгляд и выбеленные худые руки Лизы, слепо шарящие поверх одеяла, будто в поисках точки, которая могла бы ее удержать. Потом Лизу увезли куда-то в более сухой климат, хотя его родители шептались на кухне, что никакого сухого климата не осталось и Лиза просто умерла. И сейчас эта свисающая тонкая, почти детская рука напомнила ему Лизу.

Седой дернул лежак на себя, тот выкатился из нутра машины и застыл. Тело под простыней легко вздрогнуло и вытянулось. Седой тревожно склонился, но увидел мерно вздымающуюся ткань и успокоился. К нему подошел человек в форме, подталкивая перед собой каталку, и тоже склонился над девушкой.

– Опять ночью блядей этих возите. Поспать нормально людям не даете, – лицо его брезгливо исказилось.

Костик отчетливо уловил запах пота от охранника. Нечистоплотность Костик не любил: он полагал, что это явное проявление неуважения к окружающим. Глухое бешенство, тихо

булькающее внутри уже давно, сгустилось, забурлило ядовитым варевом, и Костик сглотнул, пытаясь оттеснить вниз распирающую его ярость. И это помогло: удавка на горле ослабла, дышать стало легче. Он аккуратно подхватил девушку и переложил ее на каталку, стараясь, чтобы простыня не сползла.

– Чего ты с этой тварью возишься? Давай уже шустрее, мне спать осталось всего час, – прошипел охранник. Это шипение подогнало волну новой вони. Вонь всосалась в ноздри Костика, ворвалась в мозг, вонзилась в выстроенную защиту. Щелк! Сломался невидимый предохранитель, и в голове полыхнуло огнем. Пламя опалило, вырвалось наружу и загудело где-то вдали. После него остались лишь чернота и облегчение...

Очнулся Костик от того, что седой заламывал ему руки и кричал в ухо. А Костик смотрел на окровавленного охранника со сломанной рукой, и отголоски почти оргазменного наслаждения разливались по телу.

– Сука! Тупой ублюдок! Ты чего натворил? – орал Петр Степанович, и чувство эйфории у Костика отступило, сменяясь недоумением и растерянностью.

Темное здание внезапно ожило. Первый этаж засветился окнами, из дверей выскочили два других охранника, где-то зазвенел телефон.

– Сука, теперь даже на тормозах не спустить, – выругался Петр Степанович, отпуская Костика. – Эх, ты, дурачок... Говорил же тебе – не лезь никуда и молчи! Да ладно бы где, а то здесь...

– А что здесь? – глупо улыбаясь, спросил Костик. Он с растерянным видом наблюдал суету вокруг себя, еще не осознавая всей глубины своего фиаско.

– Неважно уже, – угрюмо оборонил седой.

Костик шагнул было к нему, чтобы объяснить про Лизу и руку, рассказать, что приступы ярости иногда заливают мозг туманом, дурманят и не дают дышать, но тонкое жало, вонзившееся в шею, остановило его. Он закрутился на месте, с ужасом ощупывая место укуса, застонал от накатившей дурноты и рухнул всем своим грузным телом вниз.

– Матери что я теперь скажу? – в голосе седого звучала укоризна. Он вздохнул, переступил через Костика и пошел к машине.

Глава 5

Яся с детства росла задирой. Возможно потому, что чувствовала себя одинокой. Растил ее дед: мать умерла во время родов, а про отца дед ничего не знал. Ее сиротство казалось ей самым величайшим ее дефектом и не давало ей покоя. Деда она, конечно, очень любила, но вот, если бы была мама... Как у других девочек. Другим девочкам заплетали косы, покупали нарядные платья, учили печь куличи, водили на танцевальные курсы. Ясю же дед каждый месяц корнал под мальчика. И платьев у нее было два: одно для школы, второе на выход. Все остальное время Яся носилась по улице в мешковатых штанах и таких же мешковатых свитерах, которые дед покупал с запасом на вырост. И готовить она сама научилась: дед заведовал биологической лабораторией и часто уезжал куда-то по делам, и приходилось ей своим умом на кухне обходиться. И так уж вышло, что девчонок она не любила и дружила с мальчиками. Девочки платили ей той же неприязнью, обзывая «пацанкой» и «доской», потому что даже к шестнадцати годам ничего приличного на грудной клетке у Яси не выросло, так, пара прыщей. Зато среди парней она была признанным лидером. Длинная, тощая Яся с коротко стриженными волосами, невероятным умением метко стрелять из самодельного арбалета и цепко карабкаться по любой вертикальной поверхности вызывала уважение всей пацанской части населения района.

Этим вечером Яся отсиживалась дома, в своей комнатухе, которую дед переделал для нее, отгородив часть своей комнаты и зала. Комната напоминала узкий пенал, в котором едва помещались кровать и стол с полками. Хорошо хоть окно было, и Яся могла сидеть на подоконнике, разглядывая привычный пасмурный пейзаж. Отсиживаться пришлось, потому что она снова «попала в инцидент», как говорил дед. Днем с пацанами они влезли в закрытый несколько лет назад торговый центр, расположенный на заброшенной окраине города. Высокое здание с наглухо заваренными дверьми и окнами было определено Ясей как подозрительное, а следовательно, нуждающееся в проверке.

Одно из окон было закрыто не полностью – тонкий лист металла потерял крепления и хлопал на ветру с гулким звуком. Окно располагалось высоко, метров пять над землей, и кроме Яси никто не смог вскарабкаться по отвесной стене с едва заметными выступами. Она осторожно протиснулась в щель между окном и металлом и оказалась на полуразрушенном этаже. Яся подобралась к перилам и заглянула вниз. Огромное пространство уносилось в сумеречную даль, зрительно сужаясь в конце в тонкую ленту. Внизу по всей поверхности было что-то вроде песочных куличей, расположенных симметричными рядами. Ей удалось спуститься вниз по остаткам лестницы. Куличи накрывала плотная тяжелая ткань, и Яся с трудом отодвинула ее сбоку. Она разглядела прозрачный яйцевидный купол со свисающими шлангами с внутренних поверхностей. Яся прижалась к стеклу, с любопытством выглядывая детали. Приглядевшись, она поняла, что оборудование не новое: внутри было грязно. Повсюду темнели пятна, валялись куски ветоши, в дальнем углу лежал какой-то объемный предмет. Она вытащила из кармана припасенный для таких походов фонарик. Тусклый луч прыгал, и в кружок света попадало разное: шланг, баллон, еще шланг, какое-то тряпье... Ботинок... И что это? Нога... Оторванная человеческая нога... Яся отчетливо разглядела торчащую острием белую кость в ареоле темного ссохшегося месива мышц.

– Уууууу! – заорала сирена, и тревожно плеснуло красным светом. Яся метнулась к лестнице, вскарабкалась вверх и протиснулась в окно. До земли пять метров и никакой надежды спуститься по стене медленно.

– Эй, давай сюда!

Парни не бросили ее. Откуда-то они притащили три старых матраса и выложили их прямо под окном.

– Прыгай! Валить надо! – донесся снизу яростный шепот, и Яся прыгнула. Кости остались целыми, только колени и локти разбились, когда она скатилась с матрасов по каменистой насыпи. Зарастет, как на собаке, думала она, уносясь вслед за приятелями прочь от ужасного места.

И теперь Яся пряталась в своей комнате. Чувство чего-то непоправимого грызло ее изнутри, и от этого ей было нехорошо. И рассказать о произошедшем она никому не могла. Даже приятелям на вопрос что там было, она отмахнулась и ответила: «Ничего. Хлам всякий». Что-то останавливало ее от рассказов, когда она размышляла над увиденным. Даже деду. Тем более деду! Дед разозлится, тут уж гадать не надо. И она все крутила и крутила в голове мысли об охраняемом здании с брошенными внутри странными аппаратами, в одном из которых лежит человеческая нога. И в одном ли? От этой мысли ее передернуло и затошнило. Она спрыгнула с подоконника, вышла в коридор и прислушалась. На кухне дед с кем-то разговаривал. Яся напряглась, чтобы различить в монотонном бормотании хоть что-то, но смогла уловить лишь отдельные части сказанного.

– Так я и говорю... Чтоб дали добро на исследования... Изменить, возможно изменить... Нет... И так пострадали... Заботу проявляют, едрен-батон...

В ответ кто-то участливо бурчал, но и его слова Яся слышала через раз: человек почти шептал.

– Ладно... Николай, это не дальновидно... Ну, зачем... Опять на рожон... Заслуженный... Брось! Брось, я сказал!

Последнее было произнесено громко и четко, и Яся отчетливо услышала недовольство в голосе говорящего. Она нахмурилась, даже ухом прижалась к двери, пытаясь вникнуть в рваные шепотные слова, а потом махнула рукой. Кто бы там не был – значения не имело. Неуемное чувство беспокойства вернуло ее к собственным проблемам, и Яся побрела обратно в свою комнату. Но ее движение прервал громкий стук в дверь. Стучали властно и настойчиво, и от этого стука сердце Яси ухнуло куда-то вниз и заколотилось там нервной быстрой дрожью.

– Господи, кого там несет? – дед вышел из кухни и уперся в побледневшую испуганную Ясю.

– Ты чего? А? Приятели твои что ли? – дед растерянно посмотрел на внучку. Из-за его спины выглянул собеседник – невысокий щуплый старичок с маленькими квадратными очечками. Он заворочал тощей жилистой шеей, пытаясь понять, что происходит.

– Дед, не открывай, – зашептала Яся, но дед ее не услышал. Он подошел к двери, и Яся вдруг ясно поняла, что за дверью для нее таится опасность.

– Не надо! – закричала она и бросилась к деду, но тот уже открыл дверь и с удивлением рассматривал стоящих за ней трех мужчин в форме.

– Квартира Афанасьевых? Ясмину Афанасьева здесь проживает? – взгляд говорящего холодно скользнул по деду и зацепился за Ясю. Она под его взглядом скорчилась, вжалась в стену, а один из мужчин отодвинул в сторону ошеломленного деда и шагнул к ней. Старичок в очечках быстро скрылся за кухонной дверью.

– Ясмину Афанасьева, вы арестованы за несанкционированное проникновение на охраняемый государственный объект. Вам необходимо взять документы и отправиться с нами для выяснения обстоятельств.

– Но как... Подождите! Стойте! Это ошибка! Она же ребенок! Ей всего шестнадцать! – дед загородил путь полицейскому, и тот вежливо, но твердо остановил его рукой.

– Мы в курсе. Уголовная ответственность наступает с шестнадцати лет. Вы, как ее опекун, за нее в этом случае не отвечаете.

Дед еще что-то жалобно лепетал, но полицейский уже сжал локоть девочки и потянул ее на себя. А Яся, обмякшая и посеревшая, вяло обвисла в его руках и пошла за ним в сторону двери, едва перебирая ногами. У двери она внезапно пришла в себя: взбрыкнула, дернулась в

сторону деда с криком, но ее тут же подхватили двое других, скрутили и потащили прочь из квартиры. Последнее, что она увидела, как дед рухнул на пол, держась за сердце и хватая ртом воздух. Глаза его закатились внутрь, и белели между веками. Этот невидящий взгляд деда Яся запомнит навсегда.

Глава 6

За дверью темно. Так темно, что Павел судорожно машет руками, боясь оступиться. Сзади раздается тихий хриплый смешок, и Павел с раздражением понимает, что это Петрович специально тянет и не включает свет. Он замирает, и все чувства его превращаются в тонкие осязающие нити. Но тут свет вспыхивает. Не ярко – всего одна лампочка освещает небольшое пространство.

– Шлюз это. Тут переодеться и гермошлем надеть, – Петрович указывает на стену всей пятерней, растопырив короткие толстые пальцы. Там висят несколько комбинезонов, внизу на полке – новые, упакованные в пластик. Там же в специальных пазах втиснуты пучеглазые носатые маски – гермошлемы со встроенными фильтрами. Петрович кидает Павлу упакованный комбинезон, Андрей нетерпеливо мнетса сзади.

Павел переоделся, осмотрел новых коллег и усмехнулся, представляя как они все трое выглядят со стороны – черные, в уродливых масках, словно инопланетяне. Петрович жестом показал себе на ухо, и Павел проделал тоже самое. Под рукой прогнулась внутренняя кнопка, и в ушах сразу загудело.

– Внутренняя связь. Без нее ни хрена не слышно в этих чертовых шлемах. Запаса фильтров для них много осталось. Старые еще запасы-то. Только штуки эти на близком расстоянии работают – метра три, иногда четыре. Без них никак: воняет очень, и испарения тут вредные.

Но Павел уже не слушал. Он стоял перед очередной дверью. Шуршание ощущалось теперь, как едва уловимая вибрация воздуха, и в полутьме Павел чувствовал эту вибрацию также четко, как и удары крови о стенку артерий. Мысли путались, рвались короткими кусками, подгоняемые волнами предвкушения. Где-то пискнул сигнал, и стена перед ним поехала в сторону, обнажая внутренности фабрики.

Павел ожидал чего угодно: жутких великанов, в чьих руках гигантские рычаги скользят в пазах с тихим шорохом; мускулистых обнаженных мужчин, ступни которых шершаво перебирают бегущую ленту; изуродованных монстров, потирающих мохнатые паучьи лапки. Все, что угодно, но не это. Фабрика была наполнена рядами яйцевидных сфер почти полностью металлических с небольшой вставкой затененного стекла спереди. Ряды располагались один за другим и терялись в сумраке в глубине свода. Над каждым рядом нависал еще один. Сферы соединялись между собой единым остовом, хотя были автономны. Пространство фабрики делилось на три части, в каждой располагалось определенное количество рядов. Ряды сфер слева и справа были неподвижны, а в центре... Сначала Павлу показалось, что и они не двигаются, но потом он заметил мелкое дрожание и понял, что вибрация в воздухе образуется именно от этого почти неуловимого движения. Каждая линия сфер пульсировала в своем едином ритме, резонируя и создавая собственный звук. Если прислушаться, то можно было различить, что шуршание не монотонно – оно состояло из разных нот, образуя общую композицию.

– Сколько же их..., – Павел не спросил – изумленно выдохнул.

– А сколько? С каждой стороны по двадцать пять рукавов, а их пятьдесят рядов. И сверху над ними столько же. С одной стороны две тыщи с половиной, да с другой. Вот и считай – пять тыщ молчунов, – глухо отозвался Петрович в наушниках. – И крутят педали по двенадцать часов каждый божий день. Работают по рукаву из одной линии. Один работает, один отдыхает. У нас тут все четко – система! – и Петрович принялся рассказывать о работе фабрики.

Линия сфер составляла рукав. Внутри каждой сферы находился молчун, работать ему положено было в среднем по двенадцать часов, дальше активность молчунов спадала. Это фиксировалось автоматически, на панели загорался красный сигнал. Задача зрителя была отключить рукав и отправить его в соты на отдых и выпустить партию отдохнувших молчунов. Сотами назывались расположенные по бокам от рукава длинные каналы, каждый рассчитан-

ный на пятьдесят сфер. Там молчуны проводили еще двенадцать часов. В это время они отдыхали, питались и подвергались различным полезным процедурам.

– Прямо санаторий у них, – горделиво заметил Петрович.

– А почему смена рукавов не автоматическая? – спросил Павел.

Петрович сунул руку под гермошлем и шумно поскреб щетину.

– Хрен его знает. Говорят, фабрика еще не всю модернизацию получила. Вроде как где-то уже автоматизировано, а наша в очереди стоит. Только я думаю, что это специально. Сто-рожить это хозяйство все равно надо, а чтобы мы на службе не дрыхли, нам кнопки жать и поручили. Семен покойный сказывал, что он как-то по пьяни на смене задремал и перезагрузку проспал, а оно само все случилось, дескать. Черт его знает, может придумал, а может и в самом деле случилось. До меня это было, а я проверять не стал. Но я тебе скажу, что и слава богу, что не автоматизировано! Пока можем работать и на хлеб зарабатывать! Не дай бог, чтоб автоматизировали! Тьфу!

– Откуда их столько? Если таких фабрик много, то сколько же молчунов в стране? – поразился Павел.

– Так кто их знает... Нас это не касается, – отрезал Петрович.

– А какой-то учет молчунов на фабрике ведется?

Петрович некоторое время молчал, потом неуверенно ответил:

– Когда они в рукаве – точно ведется. Система сразу отметит, если кто-то работать перестанет, в рукаве нагрузка возрастет. А когда они в сотах... Хрен его знает. Вроде нет.

– А как они размножаются?

– Да откуда ж я знаю?! – внезапно разозлился Петрович. – Их иногда увозят куда-то. Что они там делают, мне не докладывают! Наше дело работу работать, а уж за размножение молчунов пусть кто-то другой отвечает.

Павел замолчал. Он никогда не боялся задавать вопросы, как боятся многие, стараясь не прослыть дураками, наоборот, он считал, что дураки не задают вопросы. Но в данной ситуации спрашивать у Петровича что-либо о природе молчунов не было смысла – тот и сам ничего не знал.

Петрович показал Павлу цистерны, куда каждую смену нужно засыпать биоконцентрат, и требуемый уровень воды, чтобы развести сухой порошок и превратить его в питательную смесь. Потом завел его в санитарный отсек, где утилизировались органические отходы молчунов.

– У них все на потоке! – хохотнул он в наушниках. – Питание им заливают сверху. Дерьмо по команде выводят снизу. Говорят еще, что им цветные сны показывают, чтоб не скучно было. Прямо не жизнь, а красота!

Павел вздрогнул. Он давно привык к внутренней душевной стабильности, и внезапно накотившая ярость пронзила его подобно электрическому разряду. Скотина чертова! Тебя б туда. Чтоб жратву в пасть заливали и дерьмо из задницы отсасывали. И чтоб ты по полсутки педали крутил. Вот бы я посмотрел потом, как ты жизни радовался, с холодным бешенством подумал Павел.

– А вы сами-то молчуна видели? – резко оборвал он словоохотливого напарника.

Тот споткнулся на начатой фразе и обиженно замолчал.

– Сам не видал – не положено. Сферы открывать нельзя: молчун помрет сразу. Ему наша атмосфера вредная. У них там свой воздух внутри. Они ж мутанты, дышат специальной смесью.

– А если молчун заболеет или умрет?

– Так сфера сама все и определит. Если чего случись, она себе тихонько в дальний отсек и поползет. А там или вылечит молчуна, или нет. Потом их забирают.

– Кто?

– Так служба специальная. Раз в месяц ездят. Привезут новых молчунов, заберут мертвых. Или отбирают живых для отдыха. Мне почем знать. Я не при делах, служба сама все делает. Мое дело молчунов кормить и перезагружать, а что там дальше творится у меня голова не болит, – снова рассердился Петрович.

Павел вздохнул. В итоге, ничего нового и полезного он не узнал. И даже не увидел молчуна. Он принял небольшую продолговатую панель из рук Петровича и стал ее изучать.

– У нас новые редко тут, – тихо прошуршал голос Андрея в шлеме, – фабрика древняя. Молчуны пашут двенадцать на двенадцать. Говорят, на других фабриках молчуны больше вкалывают. Типа, восемнадцать на шесть. Доказали, что для них это полезнее. Только там вроде они мрут быстрее, – закончил он.

– А кто говорит? – повернулся к нему Павел. Петрович зашел в санитарный отсек, и Павел решил воспользоваться этим и расспросить Андрея.

– Раз в месяц контролируют нас. Главный у них за нашей фабрикой смотрит. Смотрящий, короче. И с ним толпа: врачи, биологи, охранники, еще кто-то. Мне как-то один охранник шепнул, типа, у нас тут все спокойно. А фабрика на севере – суэта сплошная. Они туда сменных молчунов постоянно таскают.

– Ну-ка мне! – прикрикнул на племянника внезапно вынырнувший из – за угла Петрович. – Хватит трепаться! Это все сплетни! Я вот сдам твоего охранника за болтовню куда следует!

И Андрей сразу сжался, отодвинулся в сторону. Павел решил, что поговорит с парнем при случае, когда зрителя рядом не будет. Еще решил быть аккуратнее в разговорах с напарником. Было ясно, что тот делу предан и перед начальством подобострастен – будет стучать.

Павел положил руку на сферу – она подрагивала, будто дышала. Ему представилось, что внутри нее, словно в синтетической утробе, гигантским эмбрионом шевелится живое существо, подключенное к системе извитой искусственной пуповиной. В безопасности и сытости. Но если у эмбриона есть надежда вырваться из утробы матери, чтобы жить, то молчун вырвется из этого механического нутра только, чтобы умереть. Павел закрыл глаза и прикусил губу. Это его восприятие, его мысли. И не стоит пытаться приписать их неизвестному созданию, которое, возможно, вообще не думает. Пассивное поглощение биомассы и контролируемое выделение отходов – это, возможно, все, на что это существо способно. К черту эмпатию, рассердился на себя Павел. Глупо испытывать сострадание к чему-то неизвестному, что в твоём сострадании, скорее всего, не нуждается. Сам ведь только недавно морщился от неуместного всенародного чувства вины перед молчунами. У них изменен геном, то есть, это даже не люди в буквальном смысле.

– Ну так ты это... Сегодня ночью уже давай, приступай к работе. В аптеке нашей есть стимуляторы, чтобы не спать, и успокоительное, чтоб спать. А то у меня иногда бессонница, чтоб ее, – проворчал Петрович. – Андрейка тебя полночи подстрахует. Молодой еще – здоровья много. Только ты с ним разговоры ненужные не разговаривай, – погрозил он пальцем, – знаем мы вас, городских. Больно умные! А горе-то все от ума. Мать вон Андрейкина от него и померла, царствие ей небесное, – Петрович размашисто перекрестился, и этот жест человека в гермошлеме показался Павлу таким смешным, что он еле удержался, чтобы не расхохотаться. Он отвернулся и подавил смех кашлем.

– Большой что ли? – строго спросил напарник, и Павел резко покрутил головой, так и не поворачиваясь к нему.

– А то смотри. Больным у нас нельзя. Кто смену за тебя будет работать? Так-то.

Они еще ходили некоторое время по фабрике, и Павел все больше погружался в нехитрые обязанности зрителя. Несколько раз на панели мигала красная кнопка с указанием ряда, Петрович нажимал на нее, и длинный рукав с нанизанными на него сферами плавно уплывал в темноту своей соты. А с противоположной стороны распахивалась другая сота, чтобы изверг-

нуть из себя рукав со свежими молчунами, упакованными в плотную скорлупу сфер. Павел полностью отстранился от своих мыслей о молчунах, выслушивая Петровича и задавая только технические вопросы. Было проще считать, что судьба, наконец-то, предоставила ему шанс прожить какое-то время так, как он всегда хотел – в одиночестве, вне мыслей и поступков других людей, без суеты того круга, по которому ему приходилось бегать всю свою сознательную жизнь. И он твердо решил от этого шанса не отказываться.

Глава 7

Ляля стояла в вестибюле госпиталя, с тоской бросая взгляды на зеркальные двери выхода. Надо было собраться с духом и выйти. Но мысль покинуть сухое тепло и провалиться в плотную стену льющих сверху потоков воды вызывала отвращение. Да и дома ее никто не ждал. Было довольно поздно, и, наверно, уже совсем стемнело, хотя в городе говорить о темноте не приходилось – его всегда распирало от электрического освещения. Иногда Ляле казалось, что город – всего лишь игрушка в руках ребенка, страшась темноты, и этот ребенок жмет на все кнопки, заставляя игрушку светиться и двигаться, чтобы отпугнуть призрачного монстра. А иногда она думала, что этот монстр действительно где-то есть. Ляля ощущала его присутствие в постоянном пронизывающем ветре, в подрагивающих поверхностях луж, в перегнившей бурой траве, в низких удушающих облаках. Тянется он на тепло человеческого тела, на пульсирующую в сосудах кровь и, дотянувшись, высасывает все досуха. И не напугать его искусственным светом. Она каждый раз с досадой убеждала себя отринуть все эти потусторонние штучки и твердо придерживаться научного подхода, но ощущение сгущающегося зла не исчезало.

Она, наконец-то, вышла на улицу и ахнула: дождя не было и даже туман рассеялся. Нудный шелест низвергающихся струй пропал, и почти абсолютная тишина резала ухо. Ляля запрокинула голову, но в свете электрического сияния рассмотреть небо было невозможно. Капюшон сполз с головы, и она ощутила, как легкая прохлада пробирается под затылок и пощипывает разгоряченную шею. Ляля завернула за угол и замерла. Среди яркого раздражающего освещения зона парковки была черной дырой. Тьма расплзлась удивительно ровно, будто кто-то очертил круг циркулем и закрасил его черным цветом. И чернота не была немой. В самом центре тьмы что-то ритмично хлопало. Хлоп, хлоп, хлоп... Ляля поймала себя на мысли, что отсчитывает удары. Она вдруг представила, что там ждет тот самый монстр – высматривает людей на свету и зазывно похлопывает когтистыми лапами – авось, кто переступит линию и войдет в круг, но тут же спохватилась и сердито приказала себе перестать заниматься ерундой. И все равно – от мысли, что ей придется ступить в черноту, сердце заколотило в ребра с такой силой, что Ляля прижала руку к груди. Когда она в последний раз видела неосвещенное пространство?

Она крепко сжала сумку. Шагнула вперед. Переступила черту и резко остановилась. После яркого света глаза слепило, а небо... Небо в темноте тянуло взгляд на себя, и Ляля сразу увидела черный купол, с которого перевернутым ковшом свисала Большая Медведица. Как в детстве... Звезды мерцали так спокойно и торжественно, что Ляля закусила губу, чтобы не расплакаться.

Прежний легкий стук раздался совсем рядом, и она поняла, что хлопает автоматическая крышка стоящего рядом мусорного утилизатора, в котором что-то застряло. Ляля подняла крышку и с каким-то бешеным наслаждением загнала ее на место. Утилизатор затих. Она снова бросила взгляд на небо, но тут боковым зрением уловила движение. Огромная треугольная тень, еще более темная, чем вся окружающая тьма, плавно текла прямо на нее. Ляля дернулась назад, попыталась выскользнуть из черноты, но сзади к ней резко прижалось, обвило, стянуло тугими путами нечто. Не крикнуть: губы сжало чужим плотным давлением. Черный треугольник был все ближе, ближе и ближе... Он навис, скрыл даже звездное небо. Сейчас высосет кровь, подумала Ляля и потеряла сознание.

Очнулась она от легкого потряхивания. Через несколько минут, продравшись сквозь склеивающиеся обрывки сознания, она поняла, что лежит на заднем сиденье машины. Ляля медленно выпрямилась. Передняя часть электрокара была отделена глухим толстым пластиком, и за ним смутными тенями просматривались два силуэта. Окна покрывала черная пленка, и слабое освещение салона позволяло Ляле видеть лишь свое отражение в затемненном стекле.

Раз это электрокар, то ничего мистического в этом нет, и причина ее нахождения здесь – люди. Ее охватила злость.

– Эй! Черти! Куда вы меня везете? – застучала она кулаком по пластику. Но толстый прозрачный полимер впитал в себя все звуки, и силуэты за ним даже не оглянулись.

– Вот ведь мерзавцы, – пробормотала Ляля. Злость накачивала все сильнее, но теперь к ней добавился страх. Она иногда нечаянно подслушивала болтовню коллег в ординаторской. Склонившись голова к голове, страшным шепотом они рассказывали о странных исчезновениях людей прямо с улиц. Ляля их болтовню считала обычными сплетнями, но теперь она вспоминала эти боязливые шепотки и перегляды, и всячески гнала от себя мысль, что это могло быть правдой. Перед глазами всплыли подрагивающие от страха серые щеки главного врача. Ей пришлось обхватить себя руками, чтобы унять дрожь.

Электрокар резко повернул. Машина еще какое-то время катилась под горку, затем нырнула вбок и встала.

– Выходите, – дверь распахнулась. Голос говорящего звучал вежливо, и Ляля немного расслабилась. Она вышла, и сердце провалилось вниз – вокруг было темно. Фары электрокара прорезали тьму мутными, чуть живыми лучами, и этого хватало, чтобы понять, что перед ней высокое здание. Но ничего более. Невозможно было поверить в существование высотного здания без электрического освещения. Черный прямоугольник с черными окнами кренился прямо на Лялю, выдавливал глаза своей чернотой, душил черными миазмами. Горло перехватило, и Ляля захрипела, борясь с подступающим удушьем. Голос тихо что-то скомандовал, и прямо над ними загорелся тусклый фонарь.

– Спокойно, Ляля Витальевна! Здание защищено. На нем маскировка – свет не виден. Для волнения нет причины, – успокоительно прозвучало над ухом. – Идемте, с вами хотят поговорить, – высокий мужчина, лица которого Ляля не видела, галантно подхватил ее под руку и увлек в сторону здания. Она была ошарашена и напугана, поэтому позволила себя увести от электрокара.

Ее долго вели по длинным слабо освещенным коридорам, и Ляля от этого желтого рассеянного света ощущала себя вялой осенней мухой. Она вдруг поняла, что боится темноты. Раньше она об этом не задумывалась: свет в ее квартире горел даже ночью. Темнота, как физическое состояние, отсутствовала в ее жизни, поэтому отсутствовал и страх. Страх возник сегодня.

– Кто вы? Куда вы меня ведете? – она вложила в вопросы все силы, но голос прозвучал слабо. Провожатый не ответил. Через несколько секунд он остановился и указал ей на дверь. Ляля медленно вошла.

Комната хорошо освещалась, и Ляля ощутила облегчение. Все ее страхи растворились под светом электрической лампы. Обстановка была домашней: несколько кресел, диван, столик с чайником и кружками. На стенах висели картины с настоящими летними солнечными пейзажами. Ляля засмотрелась на диковинные работы и не сразу поняла, что в комнате она не одна.

– Здравствуйте, Ляля Витальевна!

Говорящий мужчина стоял в самом дальнем углу комнаты. Среднего роста, с густыми каштановыми волосами, такого же цвета усами и бородкой. Лицо его было удивительно гладким, без единой морщинки, как у ребенка. Даже пространство между густыми бровями было таким ровным, будто за всю жизнь мужчина ни разу не хмурился.

– Меня зовут Янис Эдуардович Климов. Я – директор исследовательского медико-биологического института. Давайте присядем, – он слегка поклонился и указал рукой на диван в центре комнаты.

Ляля решила молчать. К директору медико-биологического института ее можно было просто пригласить. История с похищением в темноте заставила ее по-другому смотреть на про-

исходящее. Она нехотя присела на краешек дивана и мрачно уставилась на сидящего напротив мужчину. Тот с пониманием кивнул.

– Да, я в курсе этой истории с вами. Эти два идиота уже наказаны. Простите, что напугали. Видите ли, наш институт – засекреченная организация. Мы не афишируем свои исследования, не контактируем с прессой. Работаем в разных областях, но все они связаны напрямую с человеческим организмом. Исследования уникальные, а результаты иногда ошеломляющие, и это заставляет хранить строгую секретность. Ценность нашей деятельности высока, и менее всего нашему правительству хотелось бы, чтобы данные утекли за пределы страны. Поэтому мы, так сказать, используем некую внезапность, приглашая к себе специалистов. Вот как, например, с вами. Да, нам требуются ваши навыки, и мы пригласили вас поработать в институте.

Ляля вскинула голову.

– Пригласили? В секретный институт, похитив меня на парковке? А если я откажусь?

– А вот такой возможности у вас нет, – мягко ответил директор.

Ляля мгновенно вскипела.

– Я в тюрьме? В чем меня обвиняют? Где мой адвокат? Имейте в виду, меня завтра хватятся и начнут искать! Черт бы вас побрал, чертов директор чертова института! Немедленно выпустите меня! – она вскочила и нависла над сидевшим мужчиной.

– Тише, тише! – он миролюбиво поднял обе руки вверх. – Не стоит так возмущаться! Послушайте, Ляля Витальевна, это государственное дело. Очень важное. Вам выпала честь потрудиться на благо своей страны. Вы принесете пользу многим, и вас, как врача, должно это радовать.

– А меня не радует! – огрызнулась Ляля. – Меня не радует, что я насильно привезена сюда и поставлена перед фактом! Меня не радует, что я лишена права выбора!

– Но разве вы бы не выбрали этот вариант, если выбор бы все-таки был? – искренне удивился директор.

– Я! Я... Я не знаю, – гнев Ляли улетучился также внезапно, как и появился. Действительно, неужели она бы отказалась от работы в серьезном государственном институте?

– Конечно, выбрали бы, – удовлетворенно кивнул директор. – Тогда больше не будем об этом. Ваше направление – репродукция, этим вы будете заниматься и здесь.

– Меня будут искать, – уныло попыталась продолжить Ляля, но директор оборвал ее.

– Ваш главный врач в курсе. Он считает, что вас отправили в длительную научную командировку. И искать вас никто не будет: близких у вас нет, – теперь голос его звучал холодно и твердо. Ляля устало опустилась на диван. Она оцепенела, как животное, загнанное в ловушку. Та чернота на парковке никуда не делась. Она проникла в нее, образовалась внутри черной дырой и теперь высасывает из нее все силы и энергию. Монстр, шепнул ей внутренний голос, монстр во тьме... Ляля решительно встала.

– Мне нужно выспаться. А потом и поговорим.

Глава 8

Ночь Ляля провела в выделенной ей комнате. Она проснулась с решимостью снова встретиться с директором и высказаться категорически о своем «приглашении» на работу, но вместо директора в комнату к ней постучалась высокая крепкая женщина в медицинском халате.

– Доброе утро! – лицо женщины закрывала медицинская маска, видны были только темные глаза под нависшими веками. – В гардеробе вам приготовлена одежда. Можете переодеться. Завтрак сейчас принесут. Через час я вернусь и провожу вас в операционную. Операции начнутся через полтора часа.

– Какие операции? – опешила Ляля.

– Кесарево сечение. Их будет несколько, поэтому вам надо подготовиться к длительному процессу. Переодевайтесь, завтракайте.

– Но я не собираюсь никого оперировать! – возмутилась Ляля. – Что за бред? Кто эти пациентки, почему их надо оперировать, какие показания?

– Для вас это не имеет значение. Ваша задача провести операцию. Показание везде одинаковое – нарастающая гипоксия плода. Откажетесь – дети погибнут, – с этими словами женщина закрыла дверь.

Ляля вскочила и заметалась по комнате. Ее раздражало многое: хамство, высокомерие, самоуверенность в сочетании с низким интеллектом, безответственность, но принуждение и невозможность выбора приводили ее в исступление. Ситуации, когда ее ставили перед фактом, случались крайне редко, и она каждый раз готова была пожертвовать многим, чтобы вырваться из замкнутого круга. Но сейчас... Сейчас все было намного серьезнее, и угрозы касались не ее лично. Ляля остановилась и застонала. Та черная дыра внутри за ночь не исчезла. Она все также пугающе зияла и всасывала в себя все хорошее, выплескивая обратно страх и злость. Но собранность и умение быстро принимать решения были составляющей частью ее профессии, и Ляля взяла себя в руки.

Женщина в маске вернулась ровно через час. Она повела Лялю по коридору, похожему на те, по которым Лялю вели вчера. Ей пришла в голову мысль, что именно такие коридоры должны быть в тюрьмах: длинные, полутемные, пугающие любого, кто в них входит. Все двери вдоль стен были металлические, с небольшими окошками на уровне глаз. Металл, металл, металл... Ляле казалось, что даже запах в коридоре был металлический, как запах крови. В конце коридора они остановились перед очередной металлической дверью. Женщина провела рукой над магнитным замком, и двери разъехались.

– Оперировать здесь, – сухо бросила ей сопровождающая.

Ляля в изумлении осмотрелась. Операционная была пуста. Лишь в углу стояла стерилизационная кабина.

– И? – Ляля повернулась к сопровождающей.

– Идите в кабину, – кивнула та.

– Пациентка где? Мне нужно ее осмотреть.

Женщина нехорошо ухмыльнулась.

– Потом.

Ляля сжала зубы. Сейчас она в тупике, загнана в угол и беспомощна. Но возникнет момент, когда из тупика удастся улизнуть, и тогда ей потребуются силы. С трудом подавив желание закатить скандал, она разделась, вошла в кабинку, где автомат мгновенно опрыскал ее кожу дезинфицирующим раствором и затянул тело в стерильный облегающий комбинезон.

– А теперь?

Женщина подошла к стене и коснулась ее в нескольких местах. Внезапно комната ожила. Стенная панель задвигалась и вытолкнула длинный столик с операционными инструментами,

сбоку от него выкатился кардиотокограф, лазерный нож, жидкий силикатор для обработки раны и другое привычное для Ляли операционное оборудование. Через несколько минут комната заполнилась и стала похожа на обычную операционную. Ляля с изумлением наблюдала за метаморфозами, но самое сильное потрясение ждало ее впереди. Стена в очередной раз открылась прямоугольным проемом, и оттуда выползла каталка с человеческим телом. Каталка выскользнула ровно наполовину – так, чтобы в видимости оказались только торчащий кверху округлый живот и ноги. Остальная часть тела осталась скрытой за непроницаемой перегородкой. Ляля растерялась и замерла. Ее провожатая успела натянуть стерильный комбинезон и теперь стояла у операционного столика с инструментами.

– Рядом кардиотокограф, можете сами посмотреть. Ребенок умирает, – равнодушно бросила она.

Ляля отметила про себя, что беременность недоношенная. Она схватила датчик и прижала его к торчащему животу. Сердце ребенка билось намного медленнее положенных минимальных ста двадцати ударов в минуту. Девяносто пять... Девяносто... Ребенок неуклонно задышался в материнской утробе, и нужно было срочно его извлекать.

– Наркоз? – обернулась она.

– Уже. Кожа обработана – можете начинать.

– Мне нужен ассистент! – крикнула Ляля. Двери тут же разъехались, и в комнату стремительно вошел мужчина. Ляля уже коснулась лазерным скальпелем кожи, когда ассистент присоединился к ней. Он подхватил ее движения на лету опытным профессиональным жестом. Она даже не взглянула на него, лишь отметив, что тот мгновенно уловил ритм. Рана разошлась бескровными краями, и Ляля вздрогнула: вместо крови из капилляров сочилась желтоватая жидкость.

– Что за черт? – недоуменно прошептала она, и услышала мужской голос над ухом.

– Нет времени, надо срочно извлекать.

Ляля быстро рассекла оставшиеся ткани, уже не удивляясь желтоватому цвету матки, и через пару минут вытащила из раны малыша. Он был совсем маленький, в густой смазке, с тонкими гуттаперчевыми ножками. Крохотное сморщенное личико было неподвижно, губы плотно сжаты. Ляля увидела, что пуповина частично пронизана желтыми нитями, которые, словно мицелий, тянулись от плаценты вверх к ребенку извивающимися линиями.

– Зажимы на пуповину! Режь! – страшным голосом крикнула она ассистенту и с облегчением увидела, как тот мгновенно пересек пуповину.

Провожатая ловко подхватила ребенка в специальный поднос. Ляля только успела увидеть, как она вложила его в открывшийся проем в стене.

– Он не дышит! Нужен неонатолог! – закричала она.

– Дышит, дышит, – невозмутимо ответила медсестра и вернулась на свое место.

Ляля в отчаянии подняла глаза на ассистента. Лицо его наполовину было закрыто маской, и Ляля видела только глаза: темно-серые, спокойные, непроницаемые. Его принадлежность к медицинскому братству давала ей уверенность, что он поможет.

– Что происходит? Кто это? Мне нужно знать... Почему... – она замолчала, видя, как взгляд ассистента остается таким же непроницаемым и холодным.

– Знать вам не нужно. Надо извлечь плаценту и зашиваться. Впереди еще несколько операций, – ответил он резко, и Ляля разозлилась на себя из-за неоправданных ожиданий. Глупо, как же глупо полагать, что профессия врача автоматически делает его порядочным человеком! Ей пришлось закрыть глаза и глубоко вдохнуть, чтобы сконцентрироваться на операции, но внутреннее яростное дрожание не исчезло. Она аккуратно проникла рукой в матку и также аккуратно отслоила плаценту, с наслаждением размышляя, что хорошо бы запустить ее потом в лицо этому мерзкому предателю. Но когда она извлекла плаценту, ей стало не до поруганных

отношений медицинского сообщества: обычно мясистая, темно-красная материнская часть плаценты была желтой, сухой и крошилась в руках. Ляля подняла глаза на ассистента.

– Что это? Не молчи, черт тебя дери, что это такое? – прорычала она.

Мужчина отвел глаза, правое веко у него дернулось.

– Пациентка участвовала в одном из научных экспериментов. До беременности, – поспешно добавил ассистент, увидев, как исказилось яростью лицо Ляли.

– Ах, вы мерзавцы. . . , – только и смогла проговорить она.

– Я здесь, как и вы, чтобы выполнять свою работу! – негодуя ответил ассистент. – Мы не имеем право обсуждать что-то другое. Поэтому настаиваю, чтобы вы держали свое мнение при себе! Делайте молча работу и у вас не будет проблем!

– Негодай! – выплюнула Ляля. – Какой негодай! Ты не врач! Убирайся! Вон! Уберите его! Уберите этого подонка! Вы все там! – кричала она, отталкивая руки ассистента от раны.

Черная дыра внутри разрасталась, тянула из нее силы, исторгала наружу неизвестные флюиды ненависти и боли. Она меняла Лялю, делала ее слабой и уязвимой.

– Я сама все ушью! Без тебя обойдусь! Пошел вон! – она все повторяла и повторяла, пока не поняла, что никого рядом нет, и даже медсестра исчезла из операционной. Ляля привычными движениями зашила ткани и закрыла рану жидким силиконом. Внезапно проем в стене открылся, и каталка медленно поплыла за стену. Ляля бросилась вперед, чтобы увидеть, что там, но ничего не разглядела. Она принялась судорожными движениями сдирать с себя перчатки, комбинезон, маску, не замечая, что постоянно повторяет яростным шепотом: «Подонки, какие же подонки!». Полуодетая она бросилась к двери и застучала по ней кулаками.

– Открывайте! Открывайте, я все равно выйду и найду вас! – она не знала, кого собирается найти, но продолжала стучать и кричать.

Внезапно двери разъехались. На пороге стоял директор и укоризненно качал головой.

– Ну что же вы, Ляля Витальевна, зачем же так? Вы же интеллигентный человек с научным образованием. Давайте сядем и все обсудим. . .

Но речь его вдруг прервалась грохотом и диким криком. Чуть поодаль распахнулась дверь, и оттуда вывалился клубок тел.

– Не хочу, не трогайте меня, мне больно! – кричал откуда-то изнутри высокий женский голос, и ему вторил мужской:

– Отпустите ее, ублюдки! Да я вам сейчас ноги оторву и в жопу засуну!

Лицо директора перекосило, и Ляля с удовлетворением увидела, как гладкую кожу лба прорезали глубокие морщины.

Клубок тел распался, и расстановка сил стала более понятной. Молодая девушка, еще подросток, прижалась спиной к стене и затравленно глядела на своих преследователей. Высокий здоровяк загородил ее, встав к ней спиной. Ляля только одно не смогла понять – и преследователи, и здоровяк были в одинаковой форме, но действовали явно по разные стороны баррикад. Преследователи держались поодаль, боясь подойти к здоровяку, и отчаянно размахивали шокерами. События развивались стремительно. Здоровяк кинулся вперед, сбил охранника, выбил шокер из его рук – тот отлетел к ногам Ляли. Остальные охранники набросились на здоровяка, и звуки драки заполнили коридор. Но она уже не слышала этого. Ей вдруг стало ясно, как закрыть свою черную дыру. Ляля схватила шокер и уперла его в живот стоящему перед ней директору. Удивление, недоверие, ярость успели промелькнуть на его лице, и Ляля даже на мгновение ощутила чувство триумфа. Она нащупала пальцем кнопку и с силой вдавила ее. Директор закатил глаза, по подбородку покатилась капелька крови из прокушенной губы, тело его выгнулось дугой и заколотилось судорогой. Он постоял еще пару секунд, и кулем свалился на пол. И никаких больше черных дыр, подумала Ляля. Она покрепче перехватила шокер и направилась в сторону девушки.

Глава 9

Яся страдала. Она сидела в маленькой полутемной комнате, в которой ее заперли сразу, как привезли в это место. Первое время она металась от стены к стене, стучала в холодный металл двери, кричала и плакала. Потом силы иссякли, и она забилась в угол, укутавшись в рваное, найденное на полу одеяло. На нее навалилась странная неподвижность, от которой мысли цепенели, а страх расплзался клочьями, как туман на рассвете. Лишь изредка она подползала к двери и прижималась к ней ухом, долго вслушиваясь в глухую тишину, пока ухо не леденело и не начинало болеть. Два раза в узкую прорезь в двери на уровне пола просовывали пластиковую посудину с темной жидкой бурдой без запаха. Сначала Яся вытолкнула миску ногой обратно в прорезь, но голод взял вверх, и во второй раз она съела содержимое миски, тщательно собрав остатки. Сознание ее раздваивалось. Иногда ей казалось, что она дома, рядом с дедом. Дед лежал на кровати, грозил ей пальцем и говорил, что все обошлось, что в этот раз ей ничего не грозит, что она ужасный, непослушный подросток, с которым вечно случаются «инциденты». От этого она успокаивалась и начинала дремать. Но иногда перед глазами всплывала гладкая стена того заброшенного торгового центра. Яся карабкалась по ней, а стена уплывала прямо из-под ее пальцев, и Яся скользила вниз, срывала ногти в кровь и летела в темную пропасть. А там ее ждали те, чьи останки она видела в непонятном оборудовании. Они лежали, разорванные на куски, но как только Яся появлялась, куски складывались в тела, ползли к ней и тарасились мертвыми пустыми глазницами. Тогда сознание возвращалось в реальность – Яся вскрикивала, озираясь и снова видела вокруг голые стены. Она не знала, сколько прошло времени, прежде чем дверь отворилась и в полутьме образовался желтый прямоугольник света.

– Выходи, – раздался мужской голос, и Яся суматошно продралась сквозь опутавшее ее одеяло.

В длинном коридоре было ненамного, но все-таки светлее. Тощий мужчина с низким лбом и тонкими нервными губами с неприязнью осмотрел ее и слегка подтолкнул в сторону от двери.

– Пошла. Иди и не оглядывайся.

– Куда вы меня ведете? – не сдержалась Яся, но в ответ получила очередной тычок в спину.

Он провел ее несколькими коридорами, втолкнув в одну из металлических дверей. Яся оказалась в небольшой комнате. В центре стоял стол, за ним сидела тетка-жаба, как сразу окрестила ее Яся. Жаба смотрела на Ясю выкаченными глазами и кривила толстые вывернутые губы.

– Ну, Ясмина Афанасьева, рассказывай, где была и что делала.

Яся обрадовалась. Наконец появилась возможность кому-то рассказать, что она ни в чем не виновата, пусть даже этой жабе! Ее охватило возбуждение, она воспряла духом и оживилась.

– Ой, здравствуйте! Да, я все расскажу! Конечно! Мы, короче, с пацанами просто посмотреть пошли. Там это... Ну, никто туда залезть не мог, а я залезла. Но там внутри так темно было, я почти ничего не видела! Короче, потом... В общем, я залезла, а потом сирена заорала, и я свалила. Вот и все! Я ничего не видела, честное слово! – Яся волновалась, пропускала слова и запинаясь.

– Получается, ты влезла по стене, спустилась вниз по лестнице и ничего не увидела? – голос жабы звучал равнодушно, и Яся подумала, что жабе все равно и ее можно будет уговорить.

– Ничего! – отчаянно замотала головой Яся. – Спустилась, а там бац! И сирена! Ну я и обратно сразу!

– Странно. А записи с камер слежения другое показывают, – поджала губы жаба, и сердце Яси рухнуло. Мысли закружились несвязной каруселью. Она попыталась сглотнуть, но не смогла – горло издало только судорожное бульканье.

– Камеры показывают, что ты спустилась, подошла к оборудованию и влезла внутрь. Так что ты там увидела? – жаба подняла выпученные глаза. Яся вдруг вспомнила, как в детстве мальчишка из соседнего двора бросил червяка в костер. Тот извивался, дергался, но выскочить из огня не мог. Сейчас она ощущала тоже самое. Ей казалось, что жабий взгляд медленно поджаривает ее на невидимом огне, а жабе доставляет удовольствие смотреть, как Яся извивается и дергается, но не может убежать. Все нутро у Яски загорелось от бессильного гнева. Ей захотелось заорать на эту жабью морду так сильно, чтобы крик вдавил ее выпученные глаза в глазницы, но она сдержалась.

– А чего вы тогда тут расспросы устраиваете, если все видели? – процедила она, боясь разжать зубы.

– Порядок такой, – ухмыльнулась жаба, – положено сначала допрашивать. Так что ты там увидела? Опять ничего?

Яся слегка наклонилась вперед и улыбнулась.

– Я там до хера чего увидела. Но тебе, жабя морда, ничего не расскажу.

Наградой ей стало мелькнувшее на мгновение выражение растерянности на лице жабы. Но удовлетворение было слишком коротким: жаба тут же пришла в себя, и вывернутые толстые губы искривились в улыбке. По этой перекошенной улыбке Яся поняла, что ничего не выиграла, и ледяные нити из горла проникли в живот, спину и ноги.

– Ой, Ясмина Афанасьева, ты же не на другую планету летала. Нам от тебя информация не нужна, чай не секретные сведения. Сказала же, положено. Допрос закончен, – она нажала кнопку под столом.

В комнату ввалился тот же тощий хмурый охранник. Сжав Ясе плечо длинными жесткими пальцами, он вытащил ее в коридор. Яся была все еще в ошеломлении от быстрого завершения допроса: невозможно было поверить, что с ней обошлись столь небрежно и равнодушно. Ей всего шестнадцать! Она сирота! Не имеют права! Возмущение внутри росло, кипело, сбивало ей шаг, и она замедлилась. Сильный толчок в спину бросил ее вперед.

– Ты! Охренел что ли, урод? – она бешено развернулась к охраннику, но осеклась, столкнувшись с его взглядом. В глазах охранника горел странный призывный огонек. Он словно говорил – ну давай, сделай это. Он ждет, осознала Яся, ждет, когда она набросится на него. Дальше она думать не захотела. Охранник понял, что Яся ничего делать не будет, слегка ухмыльнулся и прикрикнул:

– Пошла!

И Яся пошла. Она пошла так быстро, что чуть не споткнулась о собственные ноги. Нужно вернуться в камеру, думала она, там хотя бы безопасно. Но тут откуда-то из двери вынырнул еще один человек в форме.

– О, Сява! Наше вам! Давненько не виделись, – шагнул он к ее охраннику. Тот тоже весело загудел басом, засмеялся, принялся громко хлопать приятеля по спине. Яся расслабилась, прислонилась к шершавой стене и закрыла глаза. Охранники шумели, перебрасывались чужой, ненужной ей информацией, и она отключилась и замерла. Тишина. Ей нужно совсем немного тишины и покоя, и от своих мыслей тоже. Когда так тихо, она может отдохнуть. Тихо... Она вздрогнула. Почему так тихо? Яся обернулась в сторону охранников. Они молча пялились на нее, и от этих взглядов ее опалило дурным предчувствием. Взгляды были нехорошие: липкие, ощупывающие, заползающие под одежду. Она съежилась, втянула голову, пытаясь стать незаметнее. Охранники снова зашушукались, и она расслышала часть слов: «пропадать... в утиль... недорого».

Яся всунула сжатый кулак между зубами и сильно прикусила, чтобы не расплакаться. Как она попала в такую ситуацию? Почему она деда не слушала? Она зажмурилась, еще сильнее стиснула зубы и про себя принялась твердить одно: пусть все исчезнет, пусть все исчезнет, пусть все исчезнет, и она вернется домой к деду. И никогда, слышите, никогда она больше так не поступит, только верните ее домой! Яся не знала, зачем она это твердит и кого просит, но слова сами складывались в голове и повторялись, и повторялись...

– Пошла! – новый толчок в спину был неожиданным, и она вскрикнула.

– Чего орешь? – почти добродушно проворчал охранник.

Яся оглянулась. Второй охранник ушел, а первый смотрел на нее не тем мерзким взглядом, а равнодушно и спокойно, и она расслабилась. Слабая надежда вспорхнула в груди и осела легко и медленно, как воробьиное перышко. Она почти побежала по коридору, а охранник сзади не поспевал, ругался и прикрикивал на нее. Ей показалось, что они уже пришли, но, когда охранник впихнул ее внутрь комнаты, она поняла, что это другое помещение. Оно было больше, светлее, в углу стоял широкий диван, рядом с ним столик с коробками, посудой и мусором.

– Тут посиди пока, – приказал ей охранник и вышел.

Яся осмотрелась. В помещении было грязно: валялись разбросанные вещи, обувь, рванные тряпки, пахло чем-то терпким и затхлым. Дурное предчувствие, отпустившее ее на некоторое время, нахлынуло вновь. Она бросилась к выходу, но дверь открылась и в комнату вошли четверо мужчин. Все были в форме охранников, но того, который вел ее коридорами, среди них не было. Зато был другой, которого они встретили по дороге, и кто разглядывал ее с неприкрытой похотью. Яся застыла. Она поняла, что быть беде, лишь только увидела их лица, перекошенные гнусными ухмылками и предвкушением. Еще она поняла, что от них, как от дикого зверя, бежать нельзя: набросятся сразу. Она медленно сделала шаг к стене, не спуская глаз с вошедших.

– Пгывет! – картаво обратился к ней тот, которого она уже видела. Теперь она рассмотрела его – невысокий, коренастый, с прыщавым лицом и тяжелым пристальным взглядом.

– Дело, значит, такое, кгасатуля. Ты к нам по-хогошему, и мы тебя не обидим, – он усмехнулся и посмотрел на приятелей. Те одобрительно гоготнули, словно гуси. Они и напоминали стаю гусей – мясистых, коротконогих, тупоклювых, каких Яся видела на ферме за городом. Только эти опасны.

– А чего надо-то? – она сделала еще шагочек назад, задев боком столик с остатками еды и мусором.

– Гы-гы! Ты дугочку-то не включай! Понятно, чего надо! Газдевайся и ложись давай! Лучше сама, хотя и мы помочь можем! – компания снова загоготала. Мужские лица отекали, налились кровью, губы кривились, кулаки сжимались и разжимались. Они еще сдерживали себя, словно волки, которые бродят кругами, не решаясь напасть на незнакомую добычу, но уже почуяли запах крови и поняли, что жертва слаба и не станет сопротивляться.

Яся решила тянуть время.

– Ну ладно. А можно помыться? А то я сутки не мылась. Мне бы в душ на минуточку! – рука ее опустилась в ворох мусора на столе и нащупала что-то твердое и острое. Нож! Она схватила рукоять, указательным пальцем проверив остроту лезвия.

– Ниче, мы не брезгливые, – просипел другой охранник. – Нам бы побыстрее да поглубже! – стоя хохотнула и придвинулась.

Ужас пер откуда-то из глубин осязаемым плотным напором, мешал дышать и думать. Яся напрягла диафрагму и резко выдохнула, пытаясь противостоять удушающему потоку.

– Пыхтит девчонка! Готова уже, мужики! Давайте-ка сразу по двое, чтоб не томить! Жека, мы с тобой первые: нам по старшинству полагается, – охранник постарше отодвинул остальных и схватил Ясю за плечи. Дальше Яся помнила смутно. Сначала в лицо шибанула смесь запахов

пота, чеснока и еще чего-то отвратительного, от чего ее сразу затошнило. Потом она почувствовала ледяные жадные пальцы, червями заползающие ей под одежду. Охранник прижал ее к стене и тяжело задышал вонью в шею. Яся трепыхнулась, потом еще раз, но грузное мужское тело не отодвинулось, а лишь сильнее придавило. Она забилась, закричала, пытаясь выскользнуть из плотной хватки, но это только добавило задору ее насильнику – он резко раздвинул ей ноги коленом, всунул руку между ног и жарко зашептал в ухо:

– Давай, кричи, сопротивляйся... Я это дело люблю... Чтоб сопротивлялись... Слаще будет... Кричи...

И она закричала. Она вложила в крик все силы, и силы вернулись к ней обратно, отразившись эхом о невидимый эфир. Яся вывернулась, размахнулась и всадила нож в мякоть мужского тела. Она на мгновение ощутила сопротивление кости, но потом нож соскользнул и погрузился по самую рукоятку. Охранник отвалился, захрипел, упал в руки подоспевших приятелей, а Яся, воспользовавшись моментом, бросилась к двери и распахнула ее. За дверью стояли двое – ее прежний охранник и другой – высокий, здоровый, с крупными чертами лица. Свобода, которая досталась ей такой ценой, оказалась фальшивой. Яся от отчаяния зарычала, оскалилась и бросилась прямо на охранников, но тут же горло ожгло резкой болью: один из тех, кто был в комнате, накинул ей ремень на шею и дернул ее назад.

– Сука! – заорал он и швырнул ее на пол. Яся сжалась в ожидании боли, закрыла голову ладонями, но ничего не последовало. Над ней зазвенели голоса, раздались глухие удары, чьи-то крики.

– Удавлю вас, ублюдки!

– Держите его, держите! Шокеры! Шокеры давай!

Она поползла прочь, в сторону двери, спиной ощущая, как сзади двигаются тела, обдавая ее потоками воздуха. Она уже почти вырвалась в коридор, как на нее навалилась тяжесть и ей показалось, что сейчас ее раздавят.

– Не хочу! Не трогайте меня! Мне больно! – закричала она, и раздавливающая ее сила внезапно исчезла.

– Отпустите ее, ублюдки! Да я вам сейчас ноги оторву и в жопу засуну! – снова заорал мужской голос, и Яся увидела, как высокий охранник вывалился в коридор и отшвырнул от себя двух других. Она метнулась к стене, а высокий встал к ней спиной, и за ее шириной она уже не видела никого. Яся не позволила чувству облегчения захватить себя – она так и осталась стоять, готовая сорваться в любой момент. Краем глаза она заметила движение слева от себя, потом спина ее защитника дернулась, он бросился вперед и исчез в беснующейся массе человеческих рук, ног, тел.

– Вот этой штукой тыкай в любого, кто к тебе приблизится, – раздался рядом голос, и Яся подскочила от ужаса. Невысокая темноволосая женщина с худым энергичным лицом и горящими глазами держала в руке шокер и направляла его на дерущихся. И тут же ткнула им в выкатившегося из кучи охранника. Тот подергался от электрического разряда и затих.

– Здоровяк с тобой? – уточнила женщина, не отрывая взгляда от дерущихся.

– Вроде, – прошелестела Яся. – Не знаю.

Еще один был вытолкнут из круга, и женщина ожгла шокером и его. С оставшимися двумя высокий расправился короткими сильными ударами.

Они остались втроем: Яся, высокий охранник и женщина с шокером. Все изучающе рассматривали друг друга. Внезапно лицо охранника перекосило удивлением. Он уставился на женщину и пробормотал:

– Опа, а вы тут чего делаете?

Глава 10

Сколько себя Костик помнил, он всегда был большим и сильным. «Сила есть – ума не надо», – говорила мать Костику в детстве, когда сердилась на него. И было в ее словах и интонации что-то такое горькое и обидное, что Костик четко понимал: ума ему очень даже надо. Он явственно осознавал собственную интеллектуальную ущербность и злился от этого. Но злиться на себя – дело безнадежное. Злость необходимо изливать во внешнюю среду, и Костик каждый раз срывал раздражение на том, кто под руку подворачивался. И получалось, что только силу он и мог использовать. Это создавало новый виток агрессии, превращая ситуацию в замкнутый круг.

Конечно, иногда сила действительно была преимуществом, особенно в школьные годы. В школе все боялись Костика, а Костик не хотел, чтобы его боялись, он хотел, чтобы его любили. Но любая ситуация всегда заканчивалась одним – дракой. Иногда Костику казалось, что внутри него живет что-то иное, чуждое ему – дикий зверь, вырывающийся наружу и крушащий все вокруг. И удерживать этого зверя становилось все сложнее. Со временем приступы ярости стали настолько неконтролируемы, что мать пригрозила отправить его в лечебницу. И Костик по-своему решил эту проблему – замкнулся, перестал общаться со сверстниками, сторонился и чужих, и знакомых. Он чутко прислушивался к тому, что происходило в нем, стараясь убаюкать монстра, не дать ему шевельнуться и залить рассудок бешенством. Ему приходилось вести бесконечный внутренний монолог, и со временем Костику удалось сжиться со своей яростью и превратить пламя в тлеющий уголек. Но полностью затушить его он не смог. Все, что он считал несправедливостью, кислотой просачивалось внутрь, растворяло выстроенные преграды и будило в нем чудовище.

Работать в полицию Костик отправился с радостным предвкушением. Он был твердо убежден, что в этот раз дремлющий в нем зверь утихнет навсегда: теперь борьба с несправедливостью обрела законное право. Он с какой-то щенячьей радостью воспринимал любые задания, вызывая у коллег скептические ухмылки и язвительные комментарии. Но Костика это не беспокоило. Его держала на плаву вера в собственную «правильность», и убежденность эта была столь велика, что подавляла любые сомнения. Эта убежденность заставляла его закрывать глаза на странности, противоречия и нестыковки, возникающие в работе. Были ситуации, когда ему казалось, что правосудие дает сбой. В эти моменты мозг услужливо подсказывал ему, что такого не может быть, что это он, Костик, неправ, неумен, неопытен, поэтому неверно понимает происходящее. И ему удавалось убедить себя и умиротворить тлеющую в нем ярость. Но подсознательно все это копилось где-то глубоко внутри, слоилось, складывалось в пока еще смутное и неоформленное движение мысли. Тонкая девичья рука, свисающая вниз, сорвала все преграды, прячущие монстра. И он вырвался наружу...

Теперь Костик сидел, понутив голову, перед Петром Степановичем и молчал. А тот нервно притоптывал и смотрел на Костика. Во взгляде Петра Степановича читалось досада: ему не нравилось находиться в данном месте. Костик ему тоже не нравился, и Костик это чувствовал. Поэтому и сидел молча, не прося о помощи.

– Не ожидал от тебя такого, – Петр Степанович крикнул. – Мать, конечно, говорила, что у тебя иногда крышу рвет, но кто ж знал, что ты при этом людям руки отрываешь?

– Там же перелом, – пробормотал Костик.

– И кости торчат наружу! – перебил его Петр Степанович. – Да если бы я знал, что ты псих, я разве ж тебя взял на задание! Вот бы делов натворил!

Костик представил, что было бы, если бы он «натворил делов» в той квартире, где развлекались мажоры, и вздрогнул.

– Молчишь? Вот и молчи! А что я матери твоей скажу? – Петр Степанович вскочил и нервно забегал по комнате. Потом внезапно остановился.

– Короче, это... Поговорил я с людьми. Будешь отрабатывать. Прямо тут. Охранником. Место режимное, закрытое, выходить нельзя. Тюрьма это, Костик. Вот так. Но ты не сидеть будешь в ней, а работать. Проявишь себя – когда-нибудь отпустят. Понял?

Костик только молча кивнул. Ему очень хотелось спросить, что означает «когда-нибудь отпустят», но он кожей ощущал раздражение Петра Степановича и спрашивать не решился.

– Матери скажите, чтоб не волновалась, – пробормотал он.

– Смотри мне! Я за тебя таких людей попросил! Поручился! Не вздумай опять с ума сходить!

Петр Степанович с видимым облегчением оставил Костика в маленькой комнате. Через несколько минут за Костиком пришел тощий неприветливый охранник, и по длинным слабоосвещенным коридорам они дошли до другого помещения, где Костику выдали новую форму и электронный ключ. Хриплым голосом охранник зачитал Костику его обязанности: следить за камерами на двух уровнях, разносить еду дважды в день, сопровождать арестантов на допросы. Смены по двенадцать часов, уровни не покидать, комната для отдыха слева по коридору, отдыхать по полчаса два раза за смену, двенадцать часов после смены проводить в выделенной комнате. Костик только кивал. Он был так ошарашен, что почти не соображал и только все время думал о том, как расстроится мать. Наверное, плакать будет. И снова скажет «сила есть – ума не надо». Отчаяние захлестнуло его. Думать, надо думать, надо заставить мозг работать и тогда, может быть, удастся быстро загладить вину и выйти отсюда.

– Понял? Повтори! – потребовал охранник.

– Ну... Это... Никуда не ходить, только тут. В камеры еду раздавать два раза в день. Сидельцев водить на допросы. После смены из комнаты не выходить. А сидельцы у вас опасные?

– Всякие. Ты, конечно, у нас парень крепкий и можешь человеку руку сломать, но ухо остро держи. И шокер всегда носи, – тощий охранник брезгливо ухмыльнулся и показал на шокер, торчащий у него за поясом. – Особо опасных на этих уровнях нет. Но крышу снести может у всякого.

Костик сник. Про снос крыши можно не объяснять – это ему хорошо известно. Его потрясение было столь велико, что даже внутренний зверь сжался и притих.

– Ключ электронный, работает только на твоих уровнях. Вот тут все инструкции. Сегодня сиди и изучай, потом проверю, – они зашли в комнату для отдыха. Костик осмотрелся. Комната выглядела нежилой и грязной. На полу валялись одежда, обувь, мусор. В углу стояла кровать, рядом развалюхой торчала тумба с кипой пластиковых инструкций. Охранник отобрал несколько и всучил их Костику.

Они вышли, спустились на уровень и пошли вдоль металлических плотно закрытых дверей. В каждой было крохотное окошко на уровне глаз и низкая прорезь для миски на уровне пола. Костик заглядывал в окошки. В полутемных камерах все вели себя по-разному: кто-то сидел в углу, сжавшись, словно пытаясь спрятаться, кто-то монотонно вышагивал по периметру камеры, некоторые откликались на еле слышимый лязг открываемого окна – бросались на дверь, стучали кулаками, молили и требовали выпустить. В одной из камер полностью обнаженная женщина с длинными распущенными волосами извивалась в танце под музыку, слышимую лишь ей. От увиденного Костика охватили тоска и сосущее чувство безнадежности. На мгновение мелькнула мысль, что здесь он и проведет остаток жизни.

– За что их? – спросил оглушенный Костик.

– За дело, – осклабился охранник. – Утиль. Отбросы общества. Хотя какой-то толк от них будет, – он резко замолчал.

– Какой толк?

– Не твоего ума дело! – внезапно разозлился охранник. – Рано еще тебе знать! Отработай как положено, а там посмотрим!

Костик не понял, отчего охранник разозлился, но спрашивать перестал. Он решил, что будет вести себя по-умному: молчать, наблюдать, запоминать и думать. Может быть, это работает, и он поймет, как быстрее освободиться.

Он вспомнил, что они привезли сюда девушку после больницы. Это его озадачило: девушка выглядела совсем молодой и на отъявленную преступницу не походила. Но нарушать собственную тактику не стал и снова промолчал.

Они ходили еще некоторое время по этажам. Охранник показал ему отсек, в который заходить Костику не следовало.

– Тут рабочие помещения, тебе туда нельзя. Но за ними следы: двери должны быть всегда закрыты. Обычно так и есть, но проверяй каждый раз. Комната охраны рядом. В ней редко народ бывает, чаще все собираются на следующем уровне, – он снова отвел его в конец коридора и завел в маленькую комнатку.

– Вот твоя конура. Жить тут будешь. Не хоромы, но и не камера. Ты тут пока посиди, почитай инструкцию. Мне надо новенькую на допрос отвести. Ты сегодня вроде как учишься. Смена завтра.

Костик не стал изучать инструкции. Он прилег на узкую неудобную кровать и задремал. Ему снилась мать, раскатывающая на кухне тесто. Кожа оголенных предплечий белая от муки. Сухожилия натягиваются, как тугие нити, и тут же спадают, растворяясь под кожей. Кусок теста плющится, плавится на глазах, истончаясь и превращаясь в тонкий лист. Сладкий запах ванили мешается с запахом материнских духов и раскаленной печки. Костик потянулся к матери рукой...

Его разбудил громкий мужской смех в коридоре. Грубые голоса удалялись, оставляя после себя легкое эхо. Костику удалось расслышать несколько слов.

– Я первый! Вжарить! По кругу... Девку...

Он окончательно вырвался из сна, и это внезапное пробуждение заставило его сердце колотиться часто и сильно. Костик и сам не понял, что вынудило его выйти из комнаты и последовать за удаляющимися голосами. Возможно, какое-то шестое чувство подтолкнуло его. А возможно, это монстр внутри него учуял запах вероятной жертвы и отправил на охоту. Костик успел увидеть, как четверо охранников зашли в комнату отдыха в другой части коридора. Чем ближе он подходил к двери, тем сильнее стучало его сердце, гоняя по сосудам адреналин. В последний момент Костик спохватился, что нарушает данное себе слово вести себя по-умному. Он даже развернулся и сделал шаг обратно, но тут услышал женский крик и грязную ругань. Костик бросился к двери.

– Куда? – кто-то схватил его за рукав. Рядом стоял тот самый тощий охранник.

– Там кричат, – Костик с трудом взял себя в руки.

– И что? Парни разбираются с заключенной. Она, между прочим, проникла в охраняемое государством место. Может она шпион вообще. Тебя что, шпионы волнуют? – злобным голосом спросил охранник.

– Но их четверо, – растерялся Костик, – и чего они в комнате отдыха с ней разбираются? И они же охранники...

Но высказать свою мысль он не успел. Дверь распахнулась, и на пороге показалась совсем юная девушка. В голубых глазах метался страх, но худое скуластое лицо выражало упрямство и решительность. Короткие русые волосы торчали в разные стороны, делая ее похожей на мальчишку, но это не портило ее, а придавало очарование. Костик на мгновение остолбенел, засмотрелся и не сразу понял, что происходит. И лишь когда девушка кинулась прямо на него, но была остановлена рывком сзади, он увидел в глубине комнаты мужские, распаленные похотью лица. До вчерашнего дня он бы не поверил, что такое возможно. Что четверо здоровенных мужиков

готовы растерзать почти ребенка. Но теперь сомнений у него не осталось: он уже видел такое несколько часов назад. Бум! В голове все помутилось. Бум! Бомба с адреналином взорвалась под ложечкой. Бум! Поток горячей крови ошпарил притихшего было монстра. Костик распахнул рот до предела и издал жуткий рык.

– Уууууу! Удавлю вас, ублюдки! – ринулся он на охранников в комнате.

Бить было приятно. Костик наносил удары с размахом, откидывая руку со сжатым кулаком далеко назад, с наслаждением ощущая каждый раз, как костяшки пальцев глубоко вминают человеческую плоть. Звук удара напоминал звук бросаемого на стол теста, и это тоже доставляло ему удовольствие. Девушка на секунду исчезла из его поля зрения, а потом он услышал крик боли, и огненный шар ярости вспыхнул еще сильнее. Он что-то кричал, сжимал кому-то ребра, пока не ощутил хруст, снова вминал кулаки в чужую плоть и снова кричал. Он даже не увидел, а почувствовал, что девушка оказалась позади него, и встал к ней спиной. Кто-то бросился на него с шокером, и он выбил шокер сильным ударом, повалив нападающего на пол. Костик мял, стискивал, крушил, бил, толкал и слышал треск костей, хрипы и крики охранников. Сознание отключилось, и Костик исчез – на поверхности бушевал монстр. Но в одно мгновение все стихло. Он очнулся от тишины, прерываемой только его тяжелым дыханием. Ужасно зудели костяшки пальцев. Он поднял их к глазам – кожа на них лопнула и оползла, оставив кровавые ссадины.

Костик обернулся. Девушка все также прижималась к стене и не сводила глаз с лежащих на полу тел. Рядом стояла невысокая средних лет женщина. В руке у нее был шокер, у ног лежали двое охранников. В женщине Костик узнал ту докторицу, к которой они ночью привезли девчонку. Докторице здесь явно было не место, и шокера в руке у нее не должно было быть, и вся эта невероятная очевидность так потрясла Костика, что он только и смог пробормотать:

– Опа, а вы тут чего делаете?

Глава 11

Павел отработал на фабрике почти две недели. Работа была не сложной и спокойной. Иногда ему даже казалось, что, наконец-то, он нашел баланс между необходимостью выживать и собственным умиротворением. Если считать фабрику огромным механическим зверем, производящим энергию, и не думать о тех, кто является деталями этого механизма, то можно сохранять душевное равновесие. Не думать было довольно просто: сферы были металлическими, а единственное окно на уровне глаз – темным, не пропускающим света. Первое время Павел пытался пробить эту тьму лучом фонаря, но луч растворялся в толще стекла. Иногда он прислушивался, прижимаясь ухом к плотной оболочке, но ни звука, ни движения не улавливал.

Поначалу ему было жутко от огромного пространства с невидимыми существами. Он бродил по длинным переходам между рукавами и сотами и иногда каждым волоском на затылке ощущал чужое присутствие. Дыхание сбивалось, сердце начинало тяжело и часто биться в груди. Тогда Павел быстрым шагом возвращался к шлюзу, прижимался спиной к стене и замирал. Но еженощная монотонность всех процессов не менялась, и он свыкся и влился в эту будничность.

Он выбрал себе один из домиков, и его радовало собственное закрытое от чужих глаз и визитов пространство. Ему даже удалось создать уют, устроив себе что-то вроде кабинета в одном из углов. Там стояло кресло, стол и книжная полка, где он выставил старые, доставшиеся от деда книги. На подоконнике он разместил крохотную орхидею, выращенную им из законсервированных клеток – единственное напоминание о его профессии биоинженера. Проснувшись, он усаживался в кресло с чашкой травяного чая и долго перелистывал истонченные страницы книг. Возникшее безлюдное пространство вокруг стало для него отрадой, и он тщательно оберегал собственную уединенность.

Иногда к нему заходил Андрей. Андрей Павлу нравился. Несмотря на юный возраст, было в нем что-то эдакое – какая-то собственная значимость, твердость и удивительная для его возраста уверенность в себе. И еще неожиданная аристократичность, не позволяющая ему нарушать невидимых границ между ними. Андрей никогда не спрашивал Павла о прошлом и не рассказывал о себе. Его интересовали устройство мира, история, космос, и Павел, как мог, удовлетворял его любопытство. Они обсуждали религию, источники возникновения философских течений, парадоксы Вселенной, и Павел поражался, что при частом отсутствии базовых знаний, Андрей высказывался метко и уверенно на разные темы. Они говорили о многом, но никогда о молчунах. Эта тема была негласным табу, и каждый из них неукоснительно придерживался этого.

Смена начиналась в восемь вечера, и в это время Павел сталкивался с напарником, но лишь здоровался с ним легким кивком головы. Он проходил в шлюз, надевал гермошлем, комбинезон и заходил на фабрику. Она встречала его привычным однообразным шелестом тысяч воображаемых крыльев. Павел высыпал биоконцентрат в цистерну, заливал его водой и смотрел, как серое месиво сворачивается, стягивается к тысячам мелких отверстий, по которым оно уплывало в соты. Примерно раз в час панель мигала красным. Тогда он нажимал кнопку и наблюдал, как очередной отработавший рукав уезжает в темное пространство, а вместо него загружается новый. За эти две недели ничего не выбилось из привычного ритма и Павел освоился и перестал волноваться.

Но в этот вечер напарник не прошел мимо. Он окликнул Павла и жестом подозвал к себе.

– Ты это, Паш... Сегодня готовься: начальство придет. Заранее не бзди, у нас тут все в порядке. Ну, вопросы всякие спросят... Отвечай по уставу, как говорится, – он дернул себя за ухо и подмигнул.

– Какие вопросы? – нахмурился Павел.

– А кто ж их знает? По-разному. Меня вот спрашивали, не боюсь ли я темноты и зачем нам нужно электричество. Хрен их поймешь. Ты это... Начинай пока, я тебя дерну позже, – он сплюнул и вытер рот. Павел ощутил легкую тошноту, словно съел что-то несвежее. Ему тоже захотелось сплюнуть, но он сдержался.

Андрей позвал его примерно через час. Начальство принимало в доме, где раньше была столовая и хранились продукты. Навстречу Павлу вышел Петрович – лицо его было недовольным. Павел услышал, как тот пробурчал:

– Ездют и ездют. Мне спать надо, а им вопросы задавать охота. Иди, ждут тебя.

Павел вошел в комнату. Бывшая столовая была просторной. Десяток столов, расположенных в ряд, белели обшарпанными поверхностями, стоящие по периметру невысокие шкафы зияли темнотой распахнутых ящиков, гулко тарахтели морозильные установки. В воздухе витал слабый запах сгнивших яблок, и Павел подумал, что надо бы проверить плодохранилище. В самом дальнем углу за столом сидел человек в форме. Издалека Павлу показалось, что это тот самый человек-ящерка, который принимал его на работу. Но подойдя ближе, он понял, что ошибся – этот был крупнее, с редкими прилизанными волосиками на шишковатом черепе, нос, длинный и острый, несуразно торчал на лице, глаза казались подвижными – они словно слегка выкатывались и тут же втягивались внутрь. Этот – не ящерка, подумал Павел, это человек-краб.

Манера говорить у человека-краба тоже была странная – он завершал отдельные слова буквой «с».

– Так-с, Павел Александрович, вечерок добрый. Присаживайтесь. Как прошли первые недели работы?

– Хорошо прошли.

Павел уселся чуть сбоку: ему не нравился нацеленный прямо в глаза немигающий взгляд.

– Ну-с, и прекрасно. Я ваш куратор – Рысако Артур Яковлевич. Приехал проверить, как вы тут проживаете, чем заняты. О чем думаете..., – он выжидательно замолчал.

Но Павел не поддался на манипуляцию и не подхватил незаданный вопрос ответом. Куратор слегка поморщился.

– Ну-с, так что вы о работе думаете, Павел Александрович?

– Ничего не думаю. Я просто работаю, – Павел пожал плечами.

Приезжий снова поморщился и постучал пальцами по столу.

– Ну что-с вы так, Павел Александрович? Как же вы можете не думать? Я изучил ваше дело и знаю, что личность вы не простая. Вы же в университете на факультете биоинженерии преподавали?

Павел неохотно кивнул.

– Специальность сложная. Учиться долго, а вы все бросили. Почему-с? – теперь в голосе зазвучали металлические нотки.

Павел сжал кулаки и поднял глаза.

– К чему эти вопросы о моем прошлом? Что за допрос? Насколько я понимаю, вы куратор того, чем я занимаюсь сейчас.

Рысако замер, подобрался, словно приготовился к прыжку. Выкаченные глаза еще больше выдавились из глазниц. Он слегка склонился вперед.

– А вы-с, Петр Александрович, не ерничайте. У нас тут режимное предприятие-с. Государственной важности! И люди на нем должны работать ответственные и надежные. Проверенные люди! И вопросы я буду задавать любые-с. Если вам не нравится – скатертью дорожка. Найдутся люди на ваше место, будьте уверены, найдутся!

Павел низко опустил голову. Если бы он столкнулся с таким Рысако в момент устройства на работу, сейчас бы он тут не сидел – не стал бы терпеть. Но он успел попробовать и понял, что нынешняя работа его устраивает полностью.

– Так почему вы бросили работу в университете, а потом в школе? – Рысако откинулся назад и расслабился.

– Характер дурной. Плохо уживаюсь с коллегами, – буркнул Павел.

– Нехорошо-с это, Павел Александрович! – даже с какой-то радостью отозвался куратор. – Коллег нужно уважать и жить с ними в мире и согласии! Но теперь вам повезло-с – здесь коллег нет. Почти нет. Ведь повезло, правда?

Павел молча кивнул. Рысако ему не нравился. Его раздражал нарочито приветливый тон и внимательные выкаченные глаза. К тому же было непонятно, куда тот клонит.

– Но осмелюсь предположить, что совесть вас все-таки гложет. Вы же человек порядочный. Ведь гложет? Все-таки молчуны – люди-с. Человеки, так сказать, – он усмехнулся.

– Генетически модифицированные, – парировал Павел, – не осознающие себя, как личности. Не способные к общению, не приспособленные к реальной жизни. Насколько я знаю, для них даже обычная атмосфера ядовита.

Рысако слушал ответ Павла с вежливым интересом, даже несколько рассеяннo, и лишь взгляд его цепко ощупывал лицо Павла, словно пытаясь уловить несоответствие между словами и эмоциями говорившего. Вероятно, увиденное его удовлетворило. Он слегка улыбнулся.

– Что-с... Хорошо, что работа вам нравится. У каждого, так сказать, свои резоны. Дело-с, понимаете ли, тонкое. Я хочу быть уверен, что вы не терзаете себя ненужными сомнениями и не питаете различных иллюзий.

– Я вас не совсем понимаю, – раздражение Павла усилилось, – о чем вы вообще говорите? Какие сомнения? Какие иллюзии?

– Иллюзии, что молчунам можно как-то помочь, – немигающие глаза смотрели на Павла. Павел растерялся.

– Помочь? А разве их можно изменить? Но ведь..., – он замолк.

– Нет, нет! Конечно, ничего такого! – Рысако рассмеялся. – Генетические изменения, к сожалению, необратимы. Вы же биотехнолог. Сами-с все понимаете.

Павел кивнул и подумал, что на самом деле ничего не понимает. Не понимает, какие технологии были применены в том чудовищном эксперименте над людьми. Не понимает, почему они оказались утеряны. Не понимает, почему нет современных исследований. Все эти вопросы ему хотелось задать куратору, но спросил он совсем другое.

– Как они размножаются? И почему мы допускаем это?

– Ну-с, Павел Александрович, а вот это нехорошо, – погрозил пальцем куратор. – Как же мы можем не допускать этого-с? Все-таки люди, хоть и измененные. Вы же в курсе, что у них отпуск есть? Правительство о молчунах заботится. А как же-с? Им тоже отдыхать надо. Вот они и отдыхают. А половой инстинкт у них никуда не делся – этого никакая генетика не изменит, – он хохотнул рваным хриловатым хохотком, и Павел вздрогнул от этого хохотка.

– И не забывайте-с, настоящие люди живут благодаря молчунам. И мы должны быть благодарны за этот бесценный дар! – наставительно закончил Рысако. Он встал, и Павел поднялся вслед за ним.

– Ну-с, будем считать, что все у нас с вами хорошо, Павел Александрович. А сейчас вам надо будет расписаться в накладной. Мы у вас трех молчунов забираем. Пройдемте-с, – он церемонно склонил голову и указал на дверь.

Павел молча проследовал к выходу. Раздражение комком стояло где-то под ложечкой, и Павел мысленно поглаживал этот комочек, не давая ему расти. Он убеждал себя, что куратор – явление хоть и неприятное, но временное. Короткий кусочек времени, который надо переждать, а после можно будет вернуться к тишине, к неспешной работе, к книгам и чашке чая. Они прошли вдоль всей стены фабрики и очутились в дальнем углу у торцевых ворот. К ним бросился охранник с планшетом.

– Вот-с. Расписаться надо здесь и здесь, – Рысако ткнул пальцем в графы электронного документа. Павел успел прочитать в самом конце: «Изымаются особи из сфер четыреста пять, пятьсот шестнадцать и девятьсот два в виду несоответствия необходимым нагрузкам. Подлежат изоляции на неопределенный срок. Действия подтверждены протоколом номер...». Он не успел дочитать.

– Павел Александрович, вы мне не доверяете? – ласково спросил Рысако, прикрывая экран планшета рукой. – Вы подписывайте, подписывайте. Дело рутинное – не стоит искать тут подвох. Этих мы заберем на отдых, а чуть позже новых вам привезем.

Павел быстро черкнул подпись и отошел в сторону. Он внезапно понял, что сейчас, возможно, увидит молчунов. У ворот началась суета. Охранники подогнали фургон вплотную ко входу, выгрузили каталки со сферами, закатали их внутрь и вышли. Из фургона выскочили двое в белых комбинезонах и гермошлемах. Фургон закрывал большую часть происходящего, и Павел шагнул ближе. В полумраке помещения виднелись отсоединенные сферы – их отключили от системы и уложили горизонтально. Крышка первой сферы медленно поднялась вверх, раздался негромкий свист выходящего воздуха, за клубился дым. Павел неосознанно двинулся к воротам все ближе и ближе. На мгновение ему показалось, что в клубящемся тумане мелькнуло что-то желтое, но тут перед ним словно из-под земли возник Рысако.

– Вы можете идти! – рявкнул он, и Павел отшатнулся. От прежней, пусть и наигранной приветливости куратора не осталось и следа – он выглядел разъяренным. Павел медленно попятился, затем развернулся и стремительно пошел прочь. Произошедшее вызвало тягостное неприятное ощущение. Все это казалось чем-то неправильным. Не думать, не надо думать, твердил про себя Павел, но в мыслях постоянно всплывали свистящий звук открываемой сферы и яростный взгляд Рысако. Когда Павел дошел до основного входа на фабрику, в голове ясно и четко оформилась мысль – что-то здесь не так.

Глава 12

– Стой, где стоишь, – приказала Ляля здоровяку. Она не глядя потянулась рукой к девушке, стоящей сзади, и нащупала ее ладонь. Ладонь была холодной и влажной.

– Ты как? – не поворачиваясь, спросила Ляля и сжала ледяные пальцы.

– Не знаю, – прошелестело сзади.

Здоровяк потоптался на месте. Взгляд его недоуменно прошелся по лежащим телам, метнулся к Ляле и девушке, снова скользнул по неподвижным охранникам. Затем он поднял разбитые кулаки к самому лицу и испуганно, совсем по-детски выкатил глаза.

– Нет, нет, нет! – услышала Ляля его бормотание. – Я не мог... Не мог снова... Это не я...

И точно не я, подумала Ляля, обводя взглядом коридор. Как она здесь оказалась? Что она делает в этом странном месте? Кто все эти люди? На миллионную долю секунды она подумала, что просто спит, и даже успела ощутить короткое облегчение от этой мысли. Но тихие прерывистые всхлипы сзади вернули ее в реальность.

– Надо это все спрятать, – решительно шагнула она вперед. – Ты! Крепыш! Как там тебя? Раз уж ты их всех уделал, будем считать, что ты на нашей стороне.

– Я не хотел! Не хотел... Мне нельзя..., – прошептал тот.

– Это сейчас не важно. Раз пока никто не отреагировал, значит нас еще не обнаружили. Заташим тела в комнату, свяжем, заткнем рты, и у нас будет время найти выход отсюда. И к черту этот исследовательский институт.

– Тюрьма.

– Что? – Ляля резко повернулась к мужчине.

– Это тюрьма, – повторил он. Он все еще держал руки с разбитыми костяшками перед собой, будто собираясь играть на невидимом пианино. – А вы как тут? И зачем? Вы же из больницы вроде...

Ляля почему-то сразу поверила здоровяку. И окружающая ее реальность подтверждала это. Осознание, что она в тюрьме, ошеломило ее, и смысл последних слов дошел до нее не сразу.

– А ты... Откуда ты знаешь, что я из больницы? – она так решительно шагнула в сторону здоровяка, что тот дернулся назад.

– Так мы это... Позавчера вам ту девчонку привезли. Ну помните? С Петром Степановичем. Ну седой такой!

Ляля зацепилась взглядом за глубокую ямку с родинкой на подбородке охранника и в голове у нее всплыла картинка – раскинутые белые ноги в черных гематомах и сочащаяся кровью вагина.

– Да чтоб тебя! – Ляля вскинула шокер в сторону здоровяка. Лицо у того исказилось, словно он хотел заплакать и с трудом сдерживался, глаза испуганно заматались по сторонам. Это совсем не вязалось с тем, что пару минут назад он вырубил четверых мужиков. Ляля опустила шокер и ткнула им в сторону тел.

– Давай, затащи их в комнату. Ноги им свяжи. И того прихвати, – она кивнула в сторону лежащего директора.

Ляле хотелось на несколько минут остановиться и подумать. Понять, как она умудрилась вляпаться в такую ситуацию: попасть в тюрьму, вступить в конфликт с начальником, отправить его в нокаут, ввязаться в драку и стоять теперь в обрывках медицинского комбинезона среди лежащих на полу тел охранников. Если еще утром можно было рассчитывать сгладить ситуацию, договориться и получить возможность вырваться из этого места, то теперь дороги назад не было. Это понимание делало Лялю непривычно злой и решительной. Злость поршнем перла

изнутри, давила на барабанные перепонки, и от этого голова почти не соображала. Зато злость придала ей сил, и Ляля оттащила двух охранников в комнату, даже не заметив их веса.

– Может, хватит? – здоровяк осторожно коснулся плеча Ляли, которая с остервенением заматывала скотчем ноги охраннику. Она вскочила.

– Где девчонка?

– Там же, – охранник покосился на дверь.

Ляля вышла в коридор. Девушка сидела на полу, привалившись спиной к стене. Глаза, утонувшие в темных кругах, не мигая, смотрели вперед. Лялю снова охватило чувство отчужденности от происходящего. Она на минуту зажмурилась и сжала челюсти так сильно, что под ушами хрустнуло.

– А теперь что? – раздался голос сзади, и Ляля шумно выдохнула. Ничего не поменялось: полутемный коридор тянулся по обе стороны от нее, девчонка все также молча пялилась вдаль, здоровяк стоял рядом. На лице его застыло внимание, будто у дежурного по школе, ожидающего указаний от учителя. И Ляля сдалась, принимая свершившееся.

– Как звать вас? Обоих? – она шагнула к девушке и рывком подняла ее с пола. Худое подростковое тело было легким и податливым.

– Костик! Меня Костик! – торопливо сообщил ей в спину здоровяк. Девушка молча навалилась Ляле на руки.

– Ну-ка! Приди в себя! Слышишь? – Ляля встряхнула девчонку и отодвинула от себя. Та вяло двинула головой, медленно поморгала и шевельнула губами.

– Ты пострадала? Они с тобой что-то сделали? – почти прокричала Ляля ей в ухо, и девочка поспешно замотала головой.

– Ну и отлично. Как зовут? Эй! Как зовут тебя?

– Я... Яся... Ясмина, – с каждым произнесенным словом голос девушки звучал все уверенней.

– Нам надо уходить. Костик, есть ключи? Ты же вроде местный? – Ляля повернулась к Костику.

– Только от двух этажей, – виновато сообщил тот. – Я вообще-то тут первый день.

Ляля на мгновение задумалась, потом бросилась в комнату, подбежала к директору, пошарила у него в карманах и вытащила кусочек белого пластика.

– Такой?

Костик кивнул.

– Все, бери девчонку и уходим. Только не к лифту. Есть тут выход на лестницу?

Они быстро прошли вдоль сумрачного коридора с боковыми металлическими дверьми, и Ляля старательно отгоняла мысль, что там могут находиться люди, которые еще вчера жили в рутине обычных хлопот, а сегодня неожиданно оказались в иной реальности. Думать об этом было нельзя: это мешало двигаться.

– Тюремные камеры? – спросила она у Костика, и тот коротко кивнул.

– Черт, – только пробормотала Ляля, увлекая всех за собой.

Они нашли дверь на лестницу рядом с лифтом. Ключ директора сработал с тихим писком, и дверь открылась в не освещенный проем.

– Ничего не понимаю, – пробормотала Ляля. – Почему так мало освещения везде? А тут вообще темно!

Костик просунулся вслед за ней и удивленно охнул. Только Яся молчала и не проявляла интереса к происходящему.

– У меня фонарик есть, – Костик посветил в проем. В маленьком круге света мелькнули каменные ступени.

Они медленно двинулись вниз. Темнота давила на Лялю так ощутимо, что она бы не удивилась, обнаружив синяки на коже. Это давление сбивало дыхание, выжимало из тела холод-

ный пот и делало ноги слабыми. Ляля почти повисла на Костике, который уверенно двигался вниз. Она хотела спросить Костика, как он попал в это здание и почему дрался с охранниками, но отвлекаться было нельзя: кружок света от фонарика дергался, дрожал и за ним нужно было постоянно следить, чтобы не упасть.

Ляле казалось, что они уже несколько часов спускаются, оставляя позади пролеты и площадки. Она поймала себя на мысли, что снова отстраняется от происходящего. Тьма вокруг, сбивающийся ритм их шагов, гипнотические скачки луча света убаюкивали и не давали думать. Это никогда не закончится, мелькнуло у нее в мыслях. Но в этот момент лестница оборвалась, и они оказались на квадратной площадке, от которой начинался очередной плохо освещенный коридор. Он отличался от коридоров на верхних этажах. Этот был узкий, с низкими сводами, похожий на трубу. Двери, покрашенные в цвет стен, были почти незаметны, и поначалу Ляле показалось, что их нет.

– Ну хоть тут свет, – негромко сказал Костик.

– И от этого все еще отвратительнее, – пробормотала в ответ Ляля, борясь с накотившей тошнотой. Но дело было не в коридоре, а в ее страхе. Лялю пугала та скорость, с которой ее обычная предсказуемая жизнь изменилась, превратившись в неопределенный отрезок времени, где она бредет в неизвестность с незнакомыми людьми.

– Странно, что тут никого нет. Это точно тюрьма? Не могли же мы всех охранников оставить в той комнате? – она хотела, чтобы Костик почувствовал ее сарказм, но тот только пожал плечами.

– Сейчас день. Даже если мы найдем выход из здания, нас сразу заметят, – прошептала Ляля.

– А если мы тут куковать будем – нас заметут, – буркнул Костик. – Хотя нас и так заметут. Зачем мы вообще куда-то идем? Надо было остаться и рассказать! Мы ж не специально! – горячо забормотал он.

Ляля вспомнила лицо директора, когда тот понял, что сейчас она ткнет его шокером. Ту звериную ярость, которая полыхнула в его глазах напоследок.

– Нет, – ответила она, – никто нас слушать не станет. Нужно вырваться из этого заведения любой ценой, добраться до полиции и рассказать, что нас похитили. Меня, во всяком случае, – уточнила она.

Костик после ее слов опустил голову и ускорился, Яся вздрогнула и отвернулась. Они некоторое время молча шли по коридору. Ляля почувствовала, что ее случайные соратники замкнулись и отстранились, и ей снова стало страшно. Если это тюрьма, возможно, они попали сюда совсем не случайно, в отличие от нее.

– Расскажи-ка мне, Костик, что ты здесь делаешь? – спросила она.

Костик от вопроса сбился с шага, испуганно посмотрел на Лялю и отвел взгляд.

– У меня иногда приступы бывают... Злости... Потом я не помню, как все было. Мы ту девчонку после вас сюда привезли. И я ночному сторожу руку сломал... Он плохо про нее говорил. А мне жалко ее стало... И меня сюда. Ну не в камеру, а работать тут... Петр Степанович договорился... Он маме моей..., – он сбился и замолчал.

– Ничего не понимаю! Она разве в тюрьме сидела? Все это с ней здесь случилось? – Ляля пыталась сконцентрироваться на вопросах, но в голове был сумбур. В памяти всплыл разрез на коже и желтая субстанция вместо крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.